

ПОГРЕБЕНИЯ С ДРЕВНЕЙШИМИ ПСАЛИЯМИ СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов

BURIALS WITH ANCIENT CHEEK-PIECES OF STEPPE EURASIA: SOCIOLOGICAL INTERPRETATION

V. Podobed, A. Usachuk, V. Tsimidanov

Ключевые слова: псалии, погребение, социальная структура, синташтинская культура, петровская культура, нуртайская культура, потаповская культура, покровская культура, доно-волжская культура, абашевская культура, зеравшанский вариант Бактрийско-Маргианского археологического комплекса

В статье анализируется инвентарь погребений с псалиями в культурах степной Евразии. Авторы пытаются выяснить общественное положение людей, которых погребали с псалиями.

Keywords: cheek-pieces, burial mould, social structure, Sintashta culture, Petrovka culture, Nurtai culture, Potapovka culture, Pokrovka culture, the Don and the Volga culture, Abashevo culture, Zerafshanian variant of the Bactria-Margiana Archaeological Complex

The article analyses the implements of burials with cheek-pieces in the several cultures of steppe Eurasia. The authors are making attempt to study out social status of the people who were buried with cheek-pieces.

В некоторых культурах степной Евразии переходного периода от среднего бронзового века к позднему¹ выявлены захоронения, где умерших сопровождали двухколесные повозки (нередко именуемые колесницами) или их части. В этих погребениях, как правило, обнаруживаются и детали конской упряжи – главным образом, псалии. Еще больше известно погребальных комплексов с псалиями, где следы повозок отсутствовали. Упряжь в контексте данных захоронений правомерно интерпретировать как символическую замену транспортных средств [Синюк, Козмирчук, 1995. С. 69; Гончарова, 1999. С. 344, 347; Пряхин, Беседин, 2001. С. 58-59; Волков, 2004. С. 36; Черленок, 2004. С. 55-56; Матвеев, 2005. С. 5].

Проблема социологической интерпретации содержащих псалии захоронений все еще является дискуссионной. В ее осмыслении можно выделить несколько этапов.

I этап. Приближение к постановке проблемы. Началом этапа условно можно считать 90-е гг. XIX в., когда в Киевский Исторический

музей поступили два щитковых псалия из окрестностей с. Трахтемирово. Практически в это же время (1894 г.) в Тобольский музей попала пара щитковых псалий из с. Глядянско². В последующие десятилетия достоянием науки стали еще несколько деталей конской упряжи интересующего нас времени – псалии из Кондрашевки, к. 1, хутора Веселого, к. 1, Баланбаша, Краснополя 2/4, Каменки и др. При этом, щитковые псалии длительное время не «опознавались» исследователями. Их называли пряжками, бляхами, крышками ваз, подставками, деталями шлемов и т.д. [Littauer, Crouwel, 1973. P. 207, 211-212; Усачук, 2013. С. 8-11]³. В известной статье К.Ф. Смирнова, где обобщалась информация о находках деталей конской упряжи бронзового века, места щитковым псалиям не нашлось [Смирнов, 1961]. Только лишь в работах А.М. Лескова [1964], Б.А. Латынина [1965] и В.Д. Рыбаловой [1966] данные артефакты были наконец интерпретированы как псалии. Интересно, что еще долго они рассматривались в качестве компонентов упряжи ис-

¹ Так назвал интересующий нас период В.В. Отрошенко [2001. С. 43 и след.]. По А.Д. Пряхину и В.И. Беседину это заключительный этап средней бронзы [Пряхин, Беседин, 1998. С. 22], по В.С. Бочкареву и П.Ф. Кузнецову – первый и второй периоды позднего бронзового века [Бочкарев, Кузнецов, 2014. С. 5]. Использовались и другие термины («конец эпохи средней бронзы – начало позднего бронзового века» [Виноградов, 2003. С. 8], «рубеж эпох средней и поздней бронзы» [Ткачев, 2007. С. 131] и т.д.), но применительно к нашей теме все эти расхождения не принципиальны.

² К сожалению, более века эти интересные и важные находки пролежали в музее неопознанными и стали известны только в 2009 г. [Широкова, 2009. С. 117-118; Усачук, 2013. С. 9].

³ О процессе опознания щитковых псалий см. яркое воспоминание Л.С. Клейна [2013. С. 60, 62].

ключительно верхового коня, хотя возможность использования колесниц населением Евразийских степей эпохи бронзы допускалась еще в начале 1960-х гг. К.Ф. Смирновым [1961. С. 46]⁴. Одним из первых, кто связал щитковые псалии с колесничной запряжкой, был А.Д. Пряхин [1972. С. 238]. Затем к такому же выводу пришли Е.Е. Кузьмина [1974. С. 82] и Н.Н. Чередниченко [1975. С. 80; 1976. С. 147].

По мнению А.Д. Пряхина, щитковые псалии применялись в упряжи не просто колесниц, но – «боевых колесниц» [Пряхин, 1972. С. 238]. Эта гипотеза поначалу не встретила поддержки. Так, Н.Н. Чередниченко, рассматривая на основе памятников изобразительности бытование колесниц у населения Евразии эпохи поздней бронзы, склонялся к тому, что двухколесные повозки имели не столько военное, сколько культовое значение, в том числе служили катафалками [Чередниченко, 1976. С. 140-144].

II этап. Формирование гипотезы о существовании в обществах степной Евразии эпохи бронзы социальной группы «воинов-колесничих». Начало этапа мы склонны относить к 1975 г. Тогда были опубликованы сведения о результатах исследований могильников Синташты. В небольшой заметке сообщалось о выявлении остатков «легких боевых колесниц, которые ставились в погребальные ямы» [Генинг, Ашихмина, 1975. С. 145]. Вскоре увидела свет и еще одна работа с краткой характеристикой материалов синташтинских захоронений. Там также фигурировали «боевые колесницы» [Генинг, 1977. С. 72]. И хотя полная публикация материалов раскопок захоронений Синташты появилась лишь спустя 18 лет после их обнаружения, информация о могильнике довольно быстро вызвала большой резонанс и начала интенсивно использоваться в самых разнообразных построениях, причем не только советскими, но и зарубежными авторами (см. напр.: [Piggot, 1975. P. 289-290; Lal, 1981. P. 292; Hüttel, 1981. S. 32, 47, 176]).

К.Ф. Смирнов и Е.Е. Кузьмина, привлекая для реконструкции социальной структуры степных обществ индоиранскую терминологию, заострили внимание на том, что один из терминов, которым обозначались представители социальной группы воинов, переводится как «стоящий на колеснице». А поскольку в захоронениях Синташты присутствовали и колесницы, и наборы вооружения, был сделан вывод о существовании в данном обществе «привилегированных

воинов-колесничих» [Смирнов, Кузьмина, 1977. С. 55-57]. Почти одновременно Х.-Г. Хюттелем была высказана иная гипотеза. Хотя автор и связывал широкое распространение псалий в эпоху бронзы с внедрением в военную сферу боевых колесниц и появлением «рыцарства на колесницах» («*ritterlicher Zweikamhf*»), он, вместе с тем, подчеркивал, что евразийские степи (а также Карпатский бассейн) являлись далекой периферией «международного» мира упомянутого «рыцарства»⁵. По его мнению, и в степях, и в Карпатском бассейне колесница не смогла приобрести большого значения как вид боевой техники, и скорее являлась объектом престижа [Hüttel, 1978. P. 82-83; 1981. P. 46].

Скепсис Х.-Г. Хюттеля не встретил поддержки у советских исследователей, и гипотеза об использовании боевых колесниц степным населением бронзового века с течением времени стала приобретать в их среде все новых и новых сторонников. Так, В.С. Бочкарев писал о наличии в обществах поздней бронзы юга Восточной Европы «военной аристократии», имевшей на вооружении колесницы. По мнению автора, эта «аристократия» обладала одним из самых мощных военных потенциалов того времени и совершала далекие грабительские походы. Кроме того, она способствовала расцвету металлообработки [Бочкарев, 1982. С. 19-21]. Специалисты по индоиранской проблематике, Г.М. Бонгард-Левин и Э.А. Грантовский, также допускали, что во II тыс. до н.э. на территории от Северного Причерноморья до Поволжско-Уральских степей применялись боевые колесницы, и существовала использовавшая их военная знать [Бонгард-Левин, Грантовский, 1983. С. 171-172].

III этап. «Колесничная эйфория». Наибольшее число сторонников гипотезы о существовании в обществах рассматриваемого времени социальной группы воинов-профессионалов, сражавшихся на колесницах, приобрела во второй половине 1980 – 90-х годах. В публикациях тех лет нередко можно было встретить термин «воины-колесничие» (см. напр.: [Березанская, 1986. С. 42; Кожин, 1987. С. 113; Зданович, 1988. С. 135; Пряхин, Матвеев, 1988. С. 129; Пряхин и др., 1989. С. 11; Винников, Синюк, 1990. С. 129; Моисеев, 1992. С. 135; Колтухов и др., 1994. С. 109; Беседин, 1995. С. 199; Отрошенко, 1995. С. 195; 1996. С. 7; 1997. С. 66; 1998. С. 114; Матвеев, Пряхин, 1995; Ромашко, 1995. С. 65; Синюк, 1996а. С. 319; Зданович, 1997. С. 67; Филиппова, 1997. С. 69; Гончарова, 1999. С. 344;

⁴ Уточним, что исследователь подчеркивал отсутствие каких-либо веских доказательств в пользу боевого применения колесниц древними степными племенами [Смирнов, 1961. С. 46].

⁵ Исследователь локализовал этот «международный» мир «рыцарства» в Восточном Средиземноморье и Передней Азии [Hüttel, 1981. S. 82].

Григорьев, 2000. С. 264-265; Кузьмина, 2000. С. 72]) и близкие ему по значению – «колесничья (колесничная) аристократия» [Бочкарев, 1991. С. 26; 1995. С. 23; Юдин и др., 1996. С. 132; Гончарова, 1999. С. 336; Кузнецов, Семенова, 2000. С. 129], воины, передвигавшиеся на колесницах [Массон, 1999. С. 269], «колесничие»⁶ [Новгородова, 1989. С. 141; Генинг, 1991. С. 112; Моисеев, Ефимов, 1995. С. 77; Рогудеев, 2000. С. 74], «лучники-колесничие» [Матвеев, 1991. С. 118]⁷. На определенном этапе осмысления комплексов с псалиями было предложено разделить их на две группы: а) погребения «воинов-колесничих» (в них присутствуют предметы вооружения); б) погребения «возничих», т.е. лиц, которые при жизни занимались выездкой лошадей (в этих комплексах оружия нет) [Пряхин, Матвеев, 1988. С. 129; Матвеев, 1991, С. 118]. Эта идея со временем стала популярной [Моисеев, Ефимов, 1995. С. 77; Синюк, 1996а. С. 319; Зданович, 1997. С. 67; и др.]⁸.

Перечисленные выше авторы трактовали двухколесные повозки, остатки которых находились в захоронениях, как боевые колесницы⁹. Данная гипотеза отстаивалась и некоторыми исследователями, не считавшими возможным говорить о «воинах-колесничих» (см. напр.: [Anthony, Vinogradov, 1995; Нелин, 1999. С. 53-54]). Отдельные ее сторонники даже предлагали называть рассматриваемый период «эпохой боевых колесниц» [Отрощенко, 2001. С. 43-44].

В работах III этапа «воины-колесничие» подчас рисовались как творцы процессов культурогенеза, совершавшие далекие миграции¹⁰, определявшие не только нормы общественной жизни, но и ее «стиль», даже моду [Отрощенко, 1998. С. 114]. Некоторые авторы считали этих людей чуть ли не суперменами¹¹.

Справедливости ради следует сказать, что в работах того времени применительно к захоронениям с псалиями используются не только тер-

мины «воин-колесничий» и ему подобные. Порой предпочтение отдается более нейтральным дефинициям – «персона особого социального статуса» [Васильев и др., 1992. С. 55], «лицо высшего социального ранга» [Синюк, Погорелов, 1993. С. 29], «социально значимый член общества» [Кочерженко, 1996. С. 56], «вождь» [Дремов, 1997. С. 152]. А в статье А.Т. Синюка и И.А. Козмирчука говорится о захоронениях «выдающихся представителей социальной верхушки», которые «соединяли в одном лице светскую и духовную власть». По мнению авторов, такая интерпретация возможна ввиду присутствия в данных комплексах принадлежностей «креческой атрибутики» [Синюк, Козмирчук, 1995. С. 69-70].

Во второй половине 1990-х гг. стали усиливаться голоса скептиков. Так, М. Литтауэр и Дж. Кроуэлл, рассмотрев конструктивные особенности повозок, реконструированные по материалам захоронений Синташты и Кривого Озера, отметили, что данные транспортные средства были мало пригодны для военных целей [Littauer, Crouwel, 1996. P. 938-939]. Один из авторов данной работы привел некоторые доводы, побуждающие усомниться в корректности использования терминов «боевые колесницы», «воины-колесничие» и «колесничая аристократия» применительно к степным культурам рассматриваемого времени [Цимиданов, 1996]. Д.Г. Зданович выразил мнение, что «атрибуты колесничной запряжки» не всегда маркируют погребения «воинов-колесничих» [Зданович, 1997. С. 67]. В диссертационном исследовании А.В. Епимахов взвешено подошел к погребениям с «колесничным комплексом» и осторожно упомянул о военной элите «со слабо выраженной внутренней иерархией» [Епимахов, 1998. С. 29]. Н. Бороффка отметил, что «конные колесницы», распространившиеся от Карпатского бассейна до Центральной Азии, «должны рассматриваться в большей степени как предмет роскоши для демонстрации соци-

⁶ Под таковыми, опять-таки, подразумевались представители особой социальной группы воинов, сражавшихся на колесницах.

⁷ В данном случае колесничие рассматривались как одна из групп «сословия воинов-профессионалов».

⁸ Обратим внимание на предположение И.В. Чечушкова, что тренинг и уход за лошадьми входили в обязанность «стоящих на колесницах» [2002. С. 62]. См. противоположное мнение о «степных Киккули», которые были связаны с тренингом лошадей [Усачук, 2013. С. 10. Сноска 13]. Азии [Hüttel, 1981. S. 82].

⁹ Нелишне упомянуть гипотезу Н. Бороффки, согласно которой во II тыс. до н.э. боевые колесницы применялись только на Ближнем Востоке и в Волго-Уральских степях. Этим двум регионам автор противопоставил Грецию и Карпатский бассейн, где, по его мнению, общественная элита использовала колесницы сугубо в качестве парадно-престижного транспорта – для демонстрации своего общественного положения, в ритуальных и погребальных церемониях [Boroffka, 1998. S. 114-117]. Несколько позже Н. Бороффка, вероятно, начал сомневаться в правомерности трактовки двухколесных повозок Волго-Уралья как боевых колесниц, о чем мы еще скажем ниже.

¹⁰ Скепсис по поводу «смелых и оригинальных» реконструкций событий, участниками которых являлись «воины-колесничие», уже нашел отражение в литературе [Литвиненко, 2005. С. 47-48].

¹¹ Ограничимся лишь одной цитатой: «Воїни-колісничі виступали непересічними особистостями, як за фізичними, так і, слід думати, розумовими кондиціями» [Отрощенко, 1998. С. 114] (в переводе на русский язык: «Воины-колесничие выступали неординарными личностями как по физическим, так и, следует думать, умственным кондициям»).

ального статуса определенной группы людей, а не как собственно средство войны или охоты» [Бороффка, 1999. С. 80]¹². Д.В. Нелин выступил против правомерности выделения «особой варны воинов-колесничих» в синташтинском обществе [Нелин, 1999. С. 55-57]. Ю.В. Гончарова показала, что среди захоронений с псалиями существовала дифференциация: некоторые из них являлись сопроводительными по отношению к другим, где присутствовали «предметы-инсигнии власти» [Гончарова, 1999. С. 344-345].

IV этап. Спад интереса к проблеме и расширение альтернативных трактовок. Начало этапа можно датировать первыми годами XXI в. Переход к нему был предопределен, на наш взгляд, двумя причинами:

1. Критические заявления скептиков, о которых было сказано выше, несколько подорвали интерес к односторонним трактовкам захоронений с остатками повозок и деталями конской упряжи. Тем более, захоронений, если не с колесницами, то, во всяком случае, с псалиями было открыто так много, что они утратили новизну и перестали вызывать те эмоции, которые имели место на протяжении конца 1970-х – большей части 1990-х гг.

2. В изучении конской амуниции наметился крен к «вещеведению». Основное внимание стало уделяться типологическим построениям, хронологии, трасологии данных изделий, реконструкции конской упряжи и узды, поиску центров ее появления и путей распространения.

Падение интереса к социологической интерпретации захоронений с псалиями наглядно демонстрируют три сборника, специально посвященные тематике изучения псалий и колесниц эпохи бронзы [Псалии..., 2004; Происхождение..., 2008; Кони..., 2010]. В статьях этих довольно интересных сборников мы практически не найдем пассажей на рассматриваемую тематику.

Тем не менее, и в начале XXI в. некоторые авторы все еще продолжали писать о «воинах-колесничих» (по большей части – вскользь и по инерции) [Отрощенко, 2001. С. 56 та ін.; 2005. С. 235; 2007. С. 206; 2009. С. 66¹³; 2013. С. 21¹⁴; Василенко, 2001. С. 73; Кукушкин, 2003. С. 54; Пряхин, 2003. С. 214; Волков, 2004. С. 35; Литви-

ненко, 2005. С. 46 та ін.¹⁵; Лопатин, 2005. С. 25; 2009. С. 76; Матвеев, 2005. С. 5; Матвеев и др., 2005. С. 145; Кузнецов, 2005. С. 179, 181; Григорьев, 2006. С. 202; Лапшин, 2006. С. 63; Юдин, 2007. С. 43; Бочкарев и др., 2010. С. 345; Чечушков, Епимахов, 2010. С. 182; Бочкарев, 2012. С. 19; Кукушкин, Ломан, 2014. С. 585; Сотникова, 2014. С. 79], «военной колесничной аристократии» [Отрощенко, 2002. С. 14], «колесничих» [Кукушкин, 2007. С. 63], «колесничих воинах» [Ильюков, 2013. С. 27] и об использовании колесниц «кастой аристократов» в военной сфере [Самашев и др., 2007. С. 92]. При этом к захоронениям «воинов-колесничих» иногда причислялись комплексы, в состав инвентаря которых детали конской узды не входили, но где присутствовало оружие. Такой подход продемонстрировал, например, В. А. Волков [2004. С. 35]. А А. И. Юдин трактовал подобным образом «экстраординарные погребения» могильника Кочетное [Юдин, 2007. С. 143], где не было не только псалий, но и предметов вооружения [Юдин, Матюхин, 2005. Рис. 2; 3]. В качестве критерия выделения захоронений «воинов-колесничих» использовалось и присутствие близ могильной ямы парных костяков лошадей [Кукушкин, Ломан, 2014. С. 585]¹⁶. А. И. Василенко посвятил колесницам II тыс. до н.э. большую работу. В ней он упорно связывал появление колесниц с носителями культуры многоваликовой керамики¹⁷ и при этом считал необходимым различать боевые колесницы и колесницы-транспорт [Василенко, 2001. С. 62-75].

Итак, в работах IV этапа продолжала тиражироваться идея о широком использовании боевых колесниц степными племенами рассматриваемого периода. Более того, высказывалось предположение о том, что военная функция колесниц являлась их изначальным практическим предназначением [Бочкарев и др., 2010. С. 345]. Отдельные исследователи даже считали возможным именовать часть степных культур того времени (синташтинскую, петровскую, потаповскую, покровскую и доно-волжскую абашевскую) «культурами боевых колесниц» (см. напр.: [Волков, 2004. С. 35]) и «колесничными (колесничими) культурами» (см. напр.: [Литвиненко, 2005. С. 37; Матвеев, 2005. С. 5; Бочкарев, 2012.

¹² О том, что вопрос применения колесниц не решен, Н. Бороффка писал и немногим ранее [Boroffka, 1998. S. 115].

¹³ Автор данной работы напомнил читателям и о подвигах этих воинов.

¹⁴ В этой работе В. В. Отрощенко вновь говорит о героях-колесничих.

¹⁵ Уточним, что Р. А. Литвиненко, не отрицая самой возможности использования боевых колесниц населением эпохи бронзы, решительно выступил против того, что это имело место в среде носителей бабинской культуры [Литвиненко, 2005; др. работы, см.: Усачук, 2013, С. 155. Сноска 202].

¹⁶ Эти лошади интерпретировались как символическая замена колесницы. Добавим, что одним из первых связал парные захоронения лошадей с боевыми колесницами А. Д. Пряхин [1972. С. 238].

¹⁷ Ныне, благодаря усилиям Р. А. Литвиненко, культура многоваликовой керамики все чаще именуется бабинской или культурным кругом Бабино.

С. 19; Отрощенко, 2007. С. 213; Ильюков, 2013. С. 27; Сотникова, 2014. С. 74]).

На фоне отмеченного происходило «вызревание» нового подхода к захоронениям с псалиями. Все больше сторонников стали приобретать трактовки, которые можно назвать альтернативными. Под таковыми мы понимаем гипотезы, не предполагающие жесткой связи псалий и двухколесных повозок с военной сферой и социальной группой воинов-профессионалов. В частности, некоторые исследователи заостряли внимание на том, что детали конской упряжи далеко не всегда коррелируются с предметами вооружения [Дремов, 2003. С. 79; Мыськов и др., 2004. С. 137; Ткачев, 2004. С. 27; 2005. С. 70; 2007. С. 128; Цимиданов, 2009. С. 57]. Строго говоря, это было ясно и раньше. Но если в работах предшествующего этапа отсутствие оружия во многих захоронениях с псалиями порой объяснялось, как мы помним, тем, что люди, погребенные в данных могилах, являлись «возницами»¹⁸, то теперь зазвучали призывы не считать псалии воинскими атрибутами [Дремов, 2003. С. 80¹⁹] и «отделить воинскую атрибутику от колесничной» [Ткачев, 2007. С. 128]²⁰. Одновременно усилилась тенденция причислять лиц, погребавшихся с конской упряжью, к носителям властной функции. Так, Н.М. Малов именовал их «вождями-героями», «лидерами-героями», «бигменами», «чифменами» [Малов, 2003. С. 200]. В работе Е.П. Мыськова, А.В. Кияшко, Р.А. Литвиненко и А.Н. Усачука комплекс с псалиями из Баранниково был интерпретирован как захоронение лидера, власть которого носила не военный, а административный характер [Мыськов и др., 2004. С. 137]. А.А. Гамолин, говоря о синташтинских погребениях с остатками колесниц, пришел к выводу, что это были не «боевые колесничие», а те, кто «занимал видное положение в обществе, был лидером, членом «светской элиты» [Гамолин, 2001. С. 224-225]. В.В. Ткачев предположил, что захоронения с «колесничной атрибутикой» маркируют обособленную социальную группу, но подчеркнул, что данные комплексы «не могут быть однозначно истолкованы только как погребения военной знати». По мнению автора, подобные захоронения «свидетельствуют о структурированности элиты» и при их интерпретации следует учитывать весь состав погребального инвентаря

[Ткачев, 2004. С. 27-28]. Рассматривая захоронение из Танабергана II, 7/22, В.В. Ткачев увидел среди присутствовавших в нем артефактов атрибуты военного предводителя, служителя культа и носителя светской власти, и сделал вывод, что в данной могиле был погребен «глава конкретного коллектива, оставившего этот некрополь» [Ткачев, 2007. С. 132-134]. Добавим, что А.В. Логвин и И.В. Шевнина, проанализировав инвентарь погребения 140 из Бестамака, где, по их мнению, имелись следы от колес колесницы, высказали предположение, что умерший «был вождем, причем, по всей видимости, как в мирной, так и в военной жизни» [Логвин, Шевнина, 2008. С. 193].

Отстаивалась также точка зрения, согласно которой спектр использования двухколесных повозок мог быть довольно широк, включая и их обрядовое применение [Дремов, 2003. С. 80; Усачук, Ляхов, 2006. С. 106; Кожин, 2007. С. 197; Моисеев, 2011. С. 249; Отрощенко, 2013. С. 20; и др.]. В частности, Н.Б. Виноградов, не отрицая возможной принадлежности представителей синташтинских социумов, погребавшихся с оружием и двухколесными повозками, к военной элите, пришел к мысли, что помещение упомянутых повозок в могилы было призвано воспроизводить миф о путешествии души [Виноградов, 2003. С. 264]. Эту идею поддержал В.В. Ткачев [2007. С. 131]. Стоит упомянуть также работу Н.А. Берсеневой, где «колесничество» отнесено к «военным технологиям» синташтинской культуры [Берсенева, 2013. С. 41], но при этом подчеркивается, что применение этих технологий в военных действиях «представляется если не сомнительным, то достаточно редким» [Там же. С. 42]. И.В. Чечушков предполагает применение колесниц в «военных и церемониальных целях», а также «в качестве транспортного средства в повседневной жизни» [Чечушков, 2011. С. 8, 64].

Итак, относительно общественного положения людей, погребенных с псалиями, высказывались разные точки зрения. Мы решили рассмотреть данную проблему на основе анализа достаточно репрезентативной сводки захоронений. Прежде всего, нас заинтересовало, с какими другими категориями некерамического погребального инвентаря могут коррелировать псалии. Подобный подход не нов. Ранее он был предложен В.В. Ткачевым. Исследователи, ин-

¹⁸ В работах IV этапа эта гипотеза изредка еще озвучивалась [Пряхин, 2003. С. 214; Волков, 2004. С. 35; Лопатин, 2005. С. 23].

¹⁹ По мнению исследователя, псалии покровской культуры «следует рассматривать не столько как атрибут воина, сколько как парадные предметы ритуального характера, посвященные определенному божеству, культ которого связан с богом-колесничим, но, скорее, не с громовержцем, а с солярным богом» [Дремов, 2003. С. 80].

²⁰ Ср. предложение В.А. Лопатина рассматривать псалии, выявленные в погребениях, как один из «универсальных знаков войны» [Лопатин, 2009. С. 76], и мнение Н.А. Берсеневой о возможности отнесения псалий к предметам вооружения [Берсенева, 2013. С. 39].

терпретируя конкретные комплексы, исходили из того, какие вещи, помимо деталей конской упряжи, находились в могилах (чаще всего заострялось внимание на наличие/отсутствие в захоронениях предметов вооружения). Под таким углом зрения некоторые авторы анализировали и сводки погребений (см. напр.: [Гончарова, 1999. С. 344-345; Матвеев, 2005. Табл. на с. 7. Рис. 2]), но при этом ставились задачи, отличные от нашей.

Нами было учтено 89 погребальных комплексов с псалиями, исследованных на обширной территории от Подонья на западе до предгорий Памира и Тянь-Шаня на востоке (рис. 1). Сведения о некерамическом инвентаре, входившем в состав большинства из них, приведены в таблицах 1-5²¹. Применительно к данным таблицам следует сделать некоторые уточнения. Число комплексов, представленных в них, несколько превышает число могил, где эти комплексы размещались. Дело в том, что в ряде могильных ям псалии находились не близ одного, а близ двух (Каменный Амбар-5, 2/5; Восточно-Курайли I, 11/4) или даже трех (Каменный Амбар-5, 2/8; Филатовский курган, п. 1) костяков. В таких случаях каждый костяк и сопутствующие ему вещи мы рассматривали как отдельный комплекс. Еще в некоторых случаях (Синташта (СМ), пп. 11; 39) погребения были парными, причем находившиеся *in situ* псалии не тяготели к конкретному умершему. Применительно к этим случаям мы предполагали, что псалии являлись атрибутами обоих умерших и вновь считали каждый костяк вместе с расположенным близ него инвентарем самостоятельным комплексом. Особая ситуация имела место в погребении 5 могильника Синташта (СМ). Здесь псалии найдены близ лошадиных черепов, находившихся у окончания дышла «колесницы». К повозке тяготели 2 захоронения – А и Г. Первый умерший был положен близ окончания дышла, второй – рядом с кузовом. Погребенный А размещался ближе к псалиям, чем погребенный Г, но, с другой стороны, расположение последнего могло подчеркивать, что именно ему предстояло «ехать» в повозке. В итоге не ясно, чьим же атрибутом являлись «колесница» и псалии. Поэтому мы и сочли необходимым включить в таблицу данные об обоих умерших.

Наконец, некоторые погребения, содержавшие останки двух и более усопших (Камен-

ный Амбар-5, 2/6; Синташта (СМ), п. 14; Кривое Озеро, 1/1; 1/2; Уваровский II, 11/2; Второй Липецкий курган, п. 2), оказались разрушенными настолько, что связать псалии с конкретным костяком не представляется возможным. А в случае с погребением из Утевки VI, 6/5 установить данную связь затруднительно из-за краткости публикации. В итоге каждое из семи перечисленных в данном абзаце погребений мы условно рассматривали как один комплекс.

Относительно коллективных погребений нелишне сделать и еще одно уточнение. В случаях, когда псалии тяготели к одному из умерших, в таблицу включались сведения лишь об инвентаре, располагавшемся *близ этого* погребенного, и не учитывались вещи, лежавшие подле других. Мы отдаем себе отчет в условности такого подхода, ибо нельзя быть полностью уверенными в том, что повозка, которую символизировали псалии, призвана была «перевозить» лишь одного из погребенных, а не всех их вместе.

Комплексы нашей сводки относятся к нескольким культурам – синташтинской, петровской, нуртайской, потаповской, покровской, доно-волжской абашевской и зеравшанскому варианту Бактрийско-Маргианского археологического комплекса. Поскольку социальная структура каждого из рассматриваемых обществ имела свою специфику, погребения каждой из культур следует рассматривать отдельно. Начнем с **синташтинских** памятников. Нами учтено 29 комплексов данной культуры. Псалии, выявленные в них, по большей части относятся к щитковым. Лишь в захоронении из Обилькина Луга-III, 14/1 присутствовали желобчатые псалии [Денисов, 2001. С. 41. Рис. 3, 1-4; Бочкарев, Кузнецов, 2010. С. 307, 338]²².

Для синташтинской культуры характерно нахождение псалий на дне могильных ям. Это зафиксировано в 18 комплексах. Лишь изредка данное правило нарушается. Так, в погребении 11 из могильника Синташта (СМ) псалии локализовались близ конского черепа, размещавшегося между деревянной стенкой погребальной камеры и стенкой могильной ямы [Генинг и др., 1992. С. 155]. В погребении 20 могильника Бестамак псалий выявлен возле черепа одной из лошадей, костяки которых находились в могиле. При этом не совсем ясно, были ли лошади положены непосредственно на умершего и сопутствовавший ему инвентарь или на перекрытие

²¹ Уточним, что к погребальному инвентарю мы склонны относить лишь вещи, которые в ходе похорон были помещены в могилу. От предметов, помещенных на перекрытие могильной ямы или в жертвенные комплексы за ее пределами, мы абстрагируемся, поскольку они не обязательно маркируют статус умершего (см.: [Цимиданов, 2004. С. 35]).

²² Обратим внимание на то, что псалии из Обилькина Луга-III балансируют на тонкой грани переходных форм от щитковых к желобчатым [Усачук, 2013. С. 147].

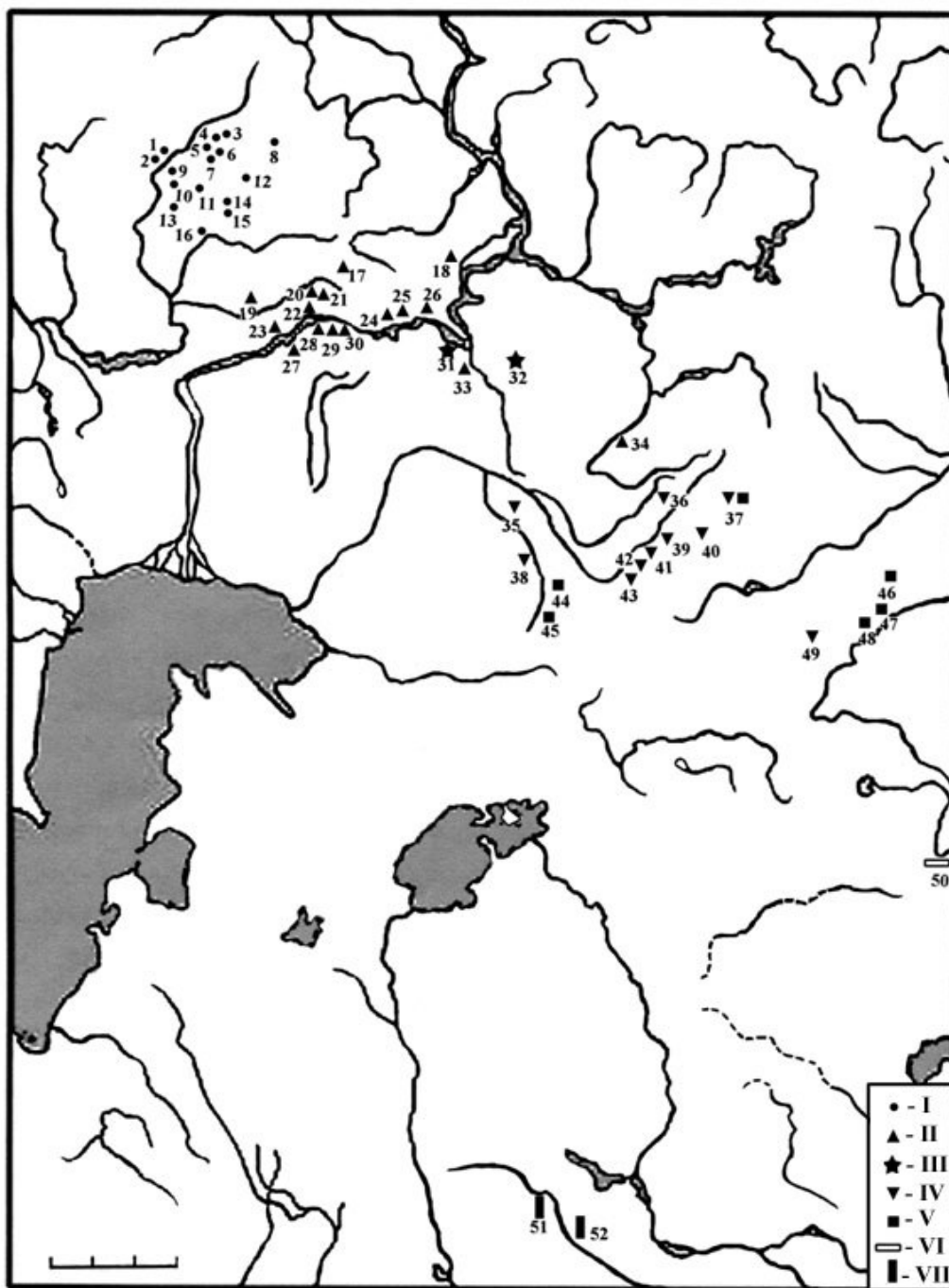

Рис. 1. Карта распространения погребений с псалмами переходного периода от среднего бронзового века к позднему:

- I. Доно-волжская абашевская культура: 1 – Богоявленское; 2 – Кондрашевка; 3 – Филатовка; 4 – Липецк; 5 – Введенка; 6 – Большая Плавница; 7 – Плясоватка; 8 – Староюрьево; 9 – Рождествено I; 10 – Кондрашкин; 11 – Софьино; 12 – Селезни-1, 2; 13 – Красный I; 14 – Пичаево; 15 – Власовка; 16 – Елка I
- II. Покровская культура: 17 – Тарумовка-1; 18 – Урень I; 19 – Баранниково; 20 – Сторожевка; 21 – Золотая Гора; 22 – Идолга; 23 – Суворовский; 24 – Ново-Яблоновка; 25 – Дубовый Гай; 26 – Уваровский II; 27 – Краснополье; 28 – Старицкое; 29 – Бородаевка II; 30 – Березовка; 33 – Красноселки; 34 – Веселый
- III. Потаповская культура: 31 – Утевка VI; 32 – Потаповка
- IV. Синташтинская культура: 35 – Обилькин Луг-III; 36 – Тавлыкаево IV; 37 – Кривое Озеро; 38 – Танаберген II; 39 – Большекараганский; 40 – Каменный Амбар-5; 41 – Солнце II; 42 – Синташта СМ, СI, СII; 43 – Солончанка IA; 49 – Бестамак
- V. Петровская культура: 37 – Кривое Озеро; 44 – Восточно-Курайли-I; 45 – Жаман-Каргала-I; 46 – Баганаты III; 47 – Берлик II; 48 – Аксайман
- VI. Нуртайская культура: 50 – Ащису
- VII. БМАК: 51 – Сазаганское Староречье; 52 – Зардчахалифа

[Калиева, Логвин, 2012. С. 77-78]. Добавим, что в некоторых нарушенных захоронениях псалии найдены в заполнении могил (Большекараганский могильник 24/1, 24/2; Каменный Амбар 2/6; Кривое Озеро 9/2; Синташта (СІ) п. 14; (СІІ) п. 1; Солнце II 4/1; Солончанка ІА 2/1), т.е. применительно к данным комплексам не может быть полной уверенности, что интересующие нас предметы изначально находились на дне могильных ям, а не на перекрытии.

В одном из комплексов (Тавлыкаево IV 2/3) останки человека отсутствовали. Вероятно, мы имеем дело с кенотафом. Применительно к нарушенному погребению из Большекараганского могильника 24/1 сведения о наличии/отсутствии человеческих костей в публикации не содержатся. В пяти случаях авторы сообщают о присутствии в нарушенных захоронениях останков людей, но данных о возрасте этих лиц не приводят. По двум нарушенным коллективным погребениям (3 комплекса с псалиями) такая информация имеется, однако связать рассматриваемые артефакты с лицами конкретного возраста невозможно. Наконец, в 19 случаях возраст погребенных известен в тех или иных пределах (см. табл. 1). При этом 17 умерших являлись взрослыми. Среди них – мужчины 22-26, 35-40, 45-50, 45-60 и 50 лет. В двух случаях псалии сопровождали женщин (возраст – 17-25 и 40-50 лет). Вероятно, женским являлся и еще 1 комплекс (Обилькин Луг-III 14/1). По данному погребению антропологических определений нет, но в пользу женского пола как будто свидетельствуют многочисленные пастовые бусы, находившиеся на костях стоп [Исмагил и др., 2009. С. 119]. Один из умерших (Каменный Амбар-5 2/8, погребенный II) являлся подростком около 8 лет (его сопровождала роговая имитация псалия), а другой (Каменный Амбар-5 2/8, погребенный III) – ребенком с возрастом около 5 лет. В данной могиле псалии сопутствовали и взрослому (погребенный I). Любопытно, что взаимное расположение костяков I и II в рассматриваемом погребении (см.: [Епимахов, 2005. Илл. 29]) демонстрирует т.н. «позу объятий», которую выделяют некоторые авторы (см. напр.: [Рафикова, 2008. С. 80]).

Скорее всего, здесь эта поза обусловлена родством умерших²³. Отсюда правомерно допущение, что дети и подростки, погребавшиеся с уздой, удостаивались этой «честь» лишь в силу своего родства со взрослыми, имевшими «право» быть погребенными с данной категорией инвентаря. А вот женщины, похоже, могли быть похоронены с уздой и независимо от родственных или брачных связей. Это видно из того, что все захоронения, где псалии коррелировались с женским полом, являлись одиночными.

Переходя к осмыслению некерамического инвентаря, выявленного в синташтинских погребениях с псалиями, уточним следующее. В двух нарушенных комплексах такой инвентарь отсутствовал (Каменный Амбар-5 2/5, костяк в 1,9 м от юго-восточной стенки ямы; Кривое Озеро 9/2). Применительно к еще двум комплексам (Каменный Амбар-5 2/6; Синташта (СІ), п. 14) установить, какие вещи коррелировали с псалиями, невозможно. Поэтому в нижеследующих подсчетах мы, абстрагируясь от этих комплексов, будем опираться только на 25 оставшихся. Сразу стоит сказать, что к показателям, которые мы в итоге получим, следует относиться осторожно, т.к. 10 комплексов из 25 подверглись разрушению, в ходе которого, скорее всего, какие-то вещи были извлечены из могил²⁴.

Рассматриваемые комплексы содержали разнообразный инвентарь (см. табл. 1). Предметы вооружения присутствовали в 14 из них. Они представлены, главным образом, наконечниками стрел²⁵ (13 комплексов). Реже встречались бронзовые наконечники копий (4). Наконец, в одном комплексе находился бронзовый проушной топор. Удельный вес захоронений с оружием составляет в рассматриваемом массиве 56%. К тому же, один из умерших являлся ребенком. В итоге только 52% лиц, погребенных с псалиями, можно при желании рассматривать как «воинов-колесничих».

Стоит обратить внимание на то, что многих «воинов-колесничих» сопровождали орудия для различных производственных операций²⁶. Среди этих орудий – сопла, связанные с металлургией²⁷, тесла и стамески, относящиеся к ин-

²³ По мнению Я.В. Рафиковой, «поза объятий» была присуща брачным парам [Рафикова, 2008. С. 80], но в нашем случае, учитывая возраст погребенного II, это едва ли так.

²⁴ А.В. Епимахов считает, что «ограбление» синташтинских могил носило обрядовый характер – своеобразное перераспределение «собственности покойного» [Епимахов, 1998. С. 22-23].

²⁵ Среди наконечников численно доминируют кремневые. Это же характерно и для захоронений с псалиями других культур, рассматриваемых нами.

²⁶ Этой проблемы, в частности, коснулась Н.А. Берсенева. По ее мнению, корреляция оружия с орудиями труда в захоронениях синташтинской культуры «говорит либо об отсутствии воинской специализации как таковой, либо об отсутствии строгих правил выбора сопроводительного инвентаря» [Берсенева, 2013. С. 41].

²⁷ На корреляцию в синташтинских погребениях атрибутов воина и металлурга уже обращалось внимание [Епимахов, 1996. С. 40-41].

струментарии плотников, бронзовые шилья и костяные проколки, использовавшиеся при шитье (скорее всего – изделий из кожи). Здесь стоит коснуться сложной проблемы интерпретации погребений с атрибутами «ремесел»²⁸ – орудиями, сырьем, заготовками, отходами производства и т.д. Не углубляясь в нее, отметим, что подобные артефакты, обнаруженные в могилах, чаще всего трактуются как знаки, фиксирующие прижизненную «профессиональную» специализацию умершего (см. напр.: [Бочкарев, 1978; Післарій, 1982. С. 77; Смирнов, 1983; Березанська, Ляшко, 1989. С. 23-28; Ключинцев, 1991. С. 254; Черных, Плешивенко, 1995. С. 250-253; Цимиданов, 2004. С. 55, 81-88; Подобед и др., 2011б. С. 281, 291-292, 296]). Высказывалась, впрочем, и принципиально иная гипотеза. По мнению А.Т. Синюка, «ремесленные наборы» отражают лишь «символическую связь умерших с определенными видами производственной деятельности», причем лиц, погребенных с ними, следует интерпретировать как «вождей» или «вождей-жрецов» [Синюк, 1996б. С. 10]²⁹. Очевидно, каждая из этих гипотез правомерна, но – применительно к конкретным культурам. В некоторых из культур, например, срубной, с атрибутами «ремесел» погребали, скорее всего, мастеров³⁰. В других культурах данные артефакты помещались в захоронения лиц, являвшихся носителями властной и/или ритуальной функций. К таким культурам, на наш взгляд, может быть причислена и синташтинская. Мы уже предполагали, что в данной культуре лица, погребенные с атрибутами нескольких «ремесел» одновременно, могли являться «священными царями», т.е. властителями, которые при жизни играли важную роль в ритуальной сфере, ассоциировались с демиургами (считались продолжателями дела творцов Вселенной) и в силу этого воспринимались как гаранты стабильности и процветания общества [Подобед и др., 2011а. С. 112; 2011в. С. 300-301].

В данной связи особый интерес представляет п. 20 из Бестамака. Здесь имел место «текст»: «орудия металлургии (сопла) + орудие деревообработки (тесло) + орудие шитья (проколка)».

²⁸ В данной статье под «ремеслом» мы понимаем производство продукции в непищевой сфере. Слово взято в кавычки потому, что применительно к обществам бронзового века не всегда можно установить, производилась ли данная продукция на продажу (лишь в этом случае можно говорить о ремесле в точном смысле этого термина) или для потребления близкими мастера.

²⁹ Применительно к захоронениям стрелоделов предлагались и другие гипотезы. Например, этих людей считали представителями социальной верхушки, монополизировавшими производство стрел [Санжаров, 1985. С. 18; Березанська, Ляшко, 1989. С. 23], или воинами [Там же].

³⁰ То, что некоторые комплексы с атрибутами «ремесел» демонстрируют знаки принадлежности умерших к ритуальной функции, не противоречит предложенной трактовке. Многие «ремесла» в доклассовых обществах относились к сфере сакрального, а потому мастера принимали то или иное участие в обрядовой жизни, не являясь при этом специализированными служителями культа [Подобед и др., 2011б. С. 291-292].

³¹ То же, впрочем, касается и кузнецов [Мендельсон, 1897. С. 8-9, 11-12; Черных, 2007. С. 139-180; Чаусидис, 2009. С. 72].

Собирая вещи для помещения в могилу, участники похорон словно пытались уподобить умершего некоему мифологическому персонажу, сведущему во многих «ремеслах». Такие персонажи в мифологических системах встречаются нередко. К ним относятся, например, Джамшид иранских мифов [Короглы, 1983. С. 63-64], Хушам-шах хорезмской легенды [Снесарев, 1969. С. 295], Вишвакарман ведийской и индуистской мифологий [Топоров, 1991. С. 237-238], Луг ирландской традиции [Шкунаев, 1991. С. 249], Прометей мифологии древних греков [Словник ..., 1989. С. 175]. В рассматриваемом случае умершего сопровождали вещами, маркировавшими, вероятно, наиболее сакральные у синташтинцев «ремесла». О высоком семиотическом статусе обработки дерева нам уже приходилось писать [Подобед и др., 2013а. С. 474-475]. Сакральность металлургии в древних культурах также несомненна. Правда, в железном веке образ металлурга был вытеснен образом кузнеца. Это произошло потому, что технология производства изделий из железа – принципиально иная, чем технология изготовления бронзовых изделий: железо варится, а не выплавляется из руды, а изделия из него выковываются, а не отливаются. В итоге данные о знаковой нагрузке процессов плавки и литья трудно найти в письменных, этнографических и фольклорных источниках. Тем не менее, показателен уже тот факт, что во многих мифологических системах к числу важнейших деяний персонажей с чертами демиургов относятся создание рудных месторождений [Йеттмар, 1986. С. 67] и изобретение технологии производства изделий из металла [Снесарев, 1969. С. 295; Короглы, 1983. С. 63; Словник ..., 1989. С. 175]). Добавим, что у многих народов деятельность металлургов нередко относилась к сфере мистического и демонического³¹. Эти люди считались связанными с «тем светом» – обителью богов и покойников. Отсюда их наделяли способностью быть медиаторами между мирами [Чаусидис, 2009. С. 72]. Высказано предположение, что процесс плавки металла в эпоху бронзы соотносился с творением Вселенной [Михайлов, 2001. С. 63-

64], но эта гипотеза нуждается в более детальной аргументации.

Шилья и проколки из погребений с псалиями некоторые авторы не соотносят с шитьем. Так, шилья под влиянием разработок В.В. Отрощенко (см. напр.: [Отрощенко, Черных, 1998]) иногда именуют стрекалами [Ткачев, 2004. С. 21; Лопатин, Четвериков, 2007. С. 39]. А проколки, по мнению В.В. Ткачева, были связаны с колесничной запряжкой – использовались для «продевания ремней и развязывания узлов» [Ткачев, 2007. С. 129]. На наш взгляд, подобные интерпретации являются несколько надуманными. Например, предполагать присутствие в захоронениях с псалиями стрекал мешает тот факт, что стрекала использовались для управления крупным рогатым скотом, но никак не лошадьми. К тому же, выявлено довольно много захоронений эпохи бронзы с шильями и проколками, где псалии отсутствовали (см. напр.: [Подобед, Цимиданов, 2010]). Применительно к этим комплексам едва ли могут возникать сомнения в том, что рассматриваемые артефакты служили орудиями для прокалывания. Что касается конкретно синташтинской культуры, то в ней известны погребения, где шилья входили в состав одного «текста» с иглами (см. напр.: [Ткачев, 2007. С. 22, 35]). Данные «тексты» весьма недвусмысленно свидетельствуют в пользу того, что шилья использовались, прежде всего, для шитья³². Очевидно, такова была и функция типологически близких к бронзовым шильям костяных проколов. Отсюда мы и делаем вывод, что два интересующих нас изделия в рассматриваемых культурах все-таки кодировали шитье.

На первый взгляд, данное занятие, по сравнению с металлургией и деревообработкой, было слишком маловажным, чтобы носители синташтинской культуры подчеркивали причастность к нему умершего при формировании набора погребального инвентаря. Однако такой взгляд представляется нам ошибочным. Во многих мифологических системах шитье было в высшей степени сакрализованым. В частности, данный технологический процесс сопоставлялся с актом создания Вселенной [Дашковский, Карымова, 2012. С. 124], связывался с представлениями о благополучии [Цимиданов, 2004. С. 82]. Отго-

лоском подобных мифологем является, вероятно, следующий обычай, бытовавший в Персии. Каждую среду монарх, помимо таких важных дел, как выпуск монет и отправление лазутчиков к врагам, «наблюдал за вышиванием» [Рейснер, Чалисова, 2002. С. 292]. Показательно и то, что украинцы Галичины во время свадеб выполняли танец «швець»³³, в ходе которого имитировали работу сапожника, в т.ч. протыкание кожи шилом [Чабан, 1970. С. 142]. А украинцы Поднепровья исполняли на свадьбах песни, где фигурировали «швачка»³⁴, «голка»³⁵, «ниточка шовкова»³⁶ [Дей, 1972. С. 92, 95]. Поскольку свадебные обряды относятся к важнейшим обрядам жизненного цикла, введение в их контекст знаков, связанных с шитьем, является еще одним аргументом в пользу высокого семиотического статуса этого производственного процесса, его магической важности для благополучия социума.

Кроме п. 20 из Бестамака, атрибуты «ремесел» коррелировались с псалиями и оружием и в ряде других комплексов. В частности, в комплексах из Большекараганского могильника 24/2, Кривого Озера 9/1 и Танабергена II 7/33 присутствовали орудия для деревообработки. В комплексах из Синташты (СМ) п. 5, костяк А, Синташты (СП) п. 1 и Солнца II 4/1 находились орудия для шитья. В комплексах из Большекараганского могильника 24/1 и Танабергена II 7/22 фиксировались «тексты» «орудия для деревообработки + орудия для шитья». В целом, рассматриваемые атрибуты входили в состав большей части комплексов с оружием – 9 из 14, что составляет 64,3%.

В погребениях с оружием были и предметы, которые с той или иной степенью вероятности можно связать с ритуальной функцией³⁷. Это, прежде всего – деревянная чаша с металлической накладкой. О связи подобной посуды с обрядовыми манипуляциями написано уже немало (см. напр.: [Цимиданов, 2004. С. 75]). Широко использовались в обрядах и астрагалы мелкого рогатого скота [Он же, 2001. С. 222-223]. Гальки, судя по этнографическим и археологическим данным, нередко становились атрибутами неутилитарных манипуляций, в т.ч. связанных с метеорологической магией [Он же, 2014]. В обрядах использовались и копыта животных, в т.ч. коня

³² Стоит обратить внимание на то, что кожа, причем очень хорошего качества выделки, довольно широко использовалась при изготовлении колесниц [Новоженков, 2014. С. 102].

³³ В данном контексте слово переводится на русский язык как «сапожник».

³⁴ В переводе на русский: «портниха».

³⁵ В переводе на русский: «иголка».

³⁶ В переводе на русский: «шелковая ниточка».

³⁷ Имеются в виду предметы, ритуальная функция которых была изначальной. Орудия «ремесел» тоже могли являться ритуальными атрибутами, но – лишь при попадании в определенные контексты (обряды, магические манипуляции и т.д.). Первоначальная же их функция являлась утилитарной (выполнение определенных производственных операций).

[Подобед и др., 2014], камешки, раковины [Ткачев, 2007. С. 124], а также песты и растиральники [Подобед и др., 2010. С. 114]³⁸. Те или иные из перечисленных артефактов присутствовали в 12 захоронениях с оружием, т.е. почти во всех из них. В итоге можно сделать вывод, что практически все «воины-колесничие» могут быть причислены к носителям ритуальной функции. Добавим, что 8 из «колесничих» сопровождалась атрибутами и производственной, и ритуальной функции (Бестамак п. 20; Большекараганский могильник 24/1; 24/2; Синташта (СМ), п. 5, костяк А; Синташта (СП), п. 1; Солнце П 4/1; Танаберген П 7/22; 7/33).

Лишь только в одном комплексе с оружием (Синташта (СМ), п. 12) явные атрибуты производственной и ритуальной функций отсутствовали. Но здесь были некоторые предметы, в т.ч. гарпуны и «рыболовный крючок», семантика которых не ясна, но которые, вместе с тем, воинскими атрибутами явно не являлись. В итоге правомерен вывод, что именовать представителей синташтинского социума, погребавшихся с оружием и псалиями, «воинами-колесничими» – это значит чрезмерно выпячивать лишь один аспект их многогранной деятельности.

Обратимся теперь к синташтинским комплексам с псалиями, где предметы вооружения отсутствовали. Данные комплексы распадаются на три блока.

а) Комплексы с орудиями «ремесел», но без вещей, являющихся ритуальными атрибутами (4). Орудия представлены стамеской (Каменный Амбар-5, 2/8, п. I), шилом (Синташта (СМ), п. 11, костяки А или Б), «текстом» «шило + игла» (Обилькин Луг-III, 14/1) и «текстом» «литейная форма + тесло + шило + пряслице» (Бестамак, п. 7). Заслуживает внимания присутствие в последнем захоронении пряслица. Данные предметы нередко обнаруживаются в культовых комплексах эпохи бронзы (см. напр.: [Цимиданов, 1999. С. 225; Подобед и др., 2013б. С. 42]), что вполне объяснимо, т.к. у многих народов веретено широко использовалось в разнообразных об-

рядах и магии [Там же. С. 43]. Прядение считалось магическим средством защиты от демонов, ассоциировалось с творением жизни и плодородием [Кинжалов, 1990. С. 83-84; Коцева, 2008. С. 75].

б) Комплексы, включавшие артефакты, связанные с ритуальной функцией, но не содержавшие атрибутов «ремесел» (2). В одном случае данные предметы представлены астрагалами мелкого рогатого скота (Синташта (СМ), п. 5, костяк Г), в другом – галькой (Солончанка IA, 2/1).

в) Комплексы, где находились и атрибуты «ремесел», и предметы, предназначенные для ритуальной практики (2). В частности, комплекс из Синташты (СМ), п. 39, костяк А включал тесло и астрагалы. В захоронении из Танабергена П, 7/23 к атрибутам ритуальной функции могут быть отнесены разноцветные камешки, галька, камень с отверстием, куски шлака и мела. В этом же захоронении выявлено изделие, которое автор публикации интерпретировал как «стрекало» – бронзовый стерженек, вставленный в костяную муфту [Ткачев, 2004. Рис. 4, 8, 9]. На наш взгляд, более правомерно сопоставить этот артефакт с т.н. «жальцами», известными, например, в доно-волжской абашевской культуре [Пряхин, 2000. С. 81-83]. Функциональное назначение «жальцев» не вполне ясно, но едва ли можно сомневаться в том, что они использовались для каких-то производственных операций³⁹. Соответственно, и подобное им орудие из Танабергена П, 7/23 мы склонны интерпретировать как атрибут «ремесла».

Отталкиваясь от всего отмеченного выше, правомерно разделить комплексы с псалиями на несколько групп.

1. Погребения «трифункциональных» индивидуумов (8 комплексов). Они содержали атрибуты военной, производственной и ритуальной функций⁴⁰.

2. Захоронения «бифункциональных» людей (7). В них присутствовали знаки двух функций. При этом 4 комплекса демонстрировали сочетание оружия и ритуальных предметов.

³⁸ Отметим, что С.В. Сотникова уже заостряла внимание на присутствии в синташтинских «погребениях воинов с характерным «колесничным» инвентарем» пестов и камней, интерпретируемых ею как «основания давилен». По ее мнению, две названные категории вещей использовались для приготовления «культового напитка типа Сомы» [Сотникова, 2014. С. 74-76]. Согласно концепции С.В. Сотниковой, их не стоит рассматривать как атрибуты жрецов, ибо в ранний период сложения культа священного напитка изготовителями и главными потребителями его являлись воины [Сотникова, 2014. С. 79], причем данный напиток употреблялся участниками гонок на колесницах «как мощное стимулирующее средство для достижения успеха» [Сотникова, 2014. С. 80].

³⁹ Обратим внимание на то, что Н.Б. Моисеев, опираясь на трасологические данные одного из авторов этой статьи, сумел довольно аргументированно предложить для бронзовых «стрекал» функцию лучкового сверла [Моисеев, 2002].

⁴⁰ Здесь и далее, выделяя погребения «трифункционалов», «бифункционалов» и «унифункционалов» мы берем в расчет только знаки трех основных функций. К таковым, судя по данным индоевропейской традиции, относятся военная, производственная («ремесла») мы рассматриваем в ее рамках) и ритуальная. Естественно, в древних обществах отправлялись и другие функции – властная, познавательная, функция воспроизводства населения и т.д., но их носителями были не представители особых социальных групп, а носители трех функций, перечисленных выше.

В одном комплексе оружие коррелировалось с орудием «ремесла». Еще в двух случаях имела место корреляция орудий труда и ритуальных атрибутов. Создается впечатление, что «бифункционалы» были более связаны с военной и ритуальной функциями, чем с производственной.

3. Погребения «унифункциональных» членов социума (7 или 8⁴¹). Здесь выявлены вещи, связанные лишь с одной функцией. Чаще всего это были атрибуты «ремесел» (4 или 5 комплексов). Ритуальные предметы находились в двух комплексах, оружие – лишь в одном. Как можно видеть, «унифункционалы» имели отношение преимущественно к производственной и ритуальной функциям.

4. Люди, погребальный инвентарь которых не подчеркивал причастности к рассматриваемым функциям (Каменный Амбар-5, 2/8, погребенный П; Тавлыкаево IV, 2/3; возможно, Синташта (СМ), п. 11 (костяк А или Б).

Мы отдаем себе отчет в том, что предложенный вариант классификации комплексов с псалиями уязвим для критики. Во-первых, часть комплексов, отнесенных к группам 2 и 3, была потревожена, т.е. применительно к ним нельзя исключать того, что отсутствие атрибутов одной или двух функций – следствие именно этого. Во-вторых, в ряде комплексов находились предметы, которые затруднительно отнести к той или иной функции. Приведем лишь некоторые примеры. Изделие с бронзовым гвоздем из Бестамака, п. 7 вполне могло являться ритуальным атрибутом, но мы поостереглись причислить его к таковым. В том же комплексе находился кусок медистого песчаника, который при желании можно связать как с металлургией, так и с ритуальной функцией. Возможно, с какой-то из функций связаны костяной клинышек из Каменного Амбара-5, 2/8,

а также костяные «лопаточки» и бронзовая пластинка из Тавлыкаево IV, 2/3, но установить это пока затруднительно. Тем не менее, несмотря на отмеченные «подводные камни», мы склонны предложить нашу классификацию в качестве рабочей гипотезы. Расширение базы источников покажет, насколько это было уместно.

Весьма сложным является вопрос о том, какое отношение лица, погребенные с псалиями, имели к властной функции. В трех захоронениях выявлены булавы, которые специалисты по синташтинской культуре обычно трактуют как инсигнии власти (см. напр.: [Ткачев, 2005. С. 70-71; Логвин, Шевнина, 2008. С. 193])⁴². Булавы сопутствовали «трифункционалу» (Танаберген II, 7/22), «бифункционалу» (Синташта (СМ), п. 39, костяк Б), которого сопровождали оружие и атрибуты ритуальной функции (пест и астрагалы мелкого рогатого скота) и «унифункционалу» (Каменный Амбар-5, 2/8), соотносившемуся с «ремеслом», о чем свидетельствует присутствие в комплексе стамески. Из отмеченного вытекает вывод, что властители могли «куруировать» как все три функции, так и одну-две. Но тут возникает вопрос: почему в синташтинской культуре знаки власти, если считать таковыми только булавы, присутствовали лишь в незначительной части самых неординарных захоронений. Ответа на него пока нет. Впрочем, не исключено, что в качестве знака властителя выступала повозка⁴³ и, соответственно, символизировавшие ее псалии. В таком случае все лица, сопровождавшиеся псалиями, имели отношение к отправлению властной функции. Но пока это недоказуемо. А вот то, что конская упряжь не может быть интерпретирована как атрибут исключительно воинов, сражавшихся на колесницах, вполне очевидно.

Таблица 1

Синташтинская культура. Некерамический инвентарь погребений с псалиями

№	Комплексы	Инвентарь	Возраст, пол
1	Бестамак, п. 7 [Калиева, Логвин, 2008. С. 43-46]	Бронзовые тесло, нож, шило, глиняная литейная форма, костяное пряслице, деревянное изделие с бронзовым гвоздем, камень с зашлифованными плоскостями, кусок медистого песчаника	М 35-40 лет
2	Бестамак, п. 20, южный комплекс, захоронение под лошадьми [Калиева, Логвин, 2012. С. 77-78]	19 кремневых наконечников стрел, бронзовые тесло, 3 ножа, орудие из обломка ножа, проколка, скобы, 2 керамических сопла, каменные диск, «наковальня», пест(?) из гальки, плитка, фрагмент песта-абразива (погребение «потревожено»)	?

⁴¹ Расхождение проистекает из того, что не ясно, являлись ли «унифункционалами» оба умерших из Синташты (СМ), п. 11 (костяки А и Б) или только один из них.

⁴² К синташтинским инсигниям власти иногда причисляются и копья [Ткачев, 2005. С. 70-71], но, на наш взгляд, такая трактовка требует углубленной аргументации.

⁴³ Такая семантика повозки предложена, например, применительно к захоронениям ямной культуры [Иванова, 2001. С. 61-71].

3	Большекараганский, 24/1 [Боталов и др., 1996. С. 79-80]	5 кремневых наконечника стрел, 2 костяные проколки, бронзовая оковка от деревянного сосуда. В стенке – ниша с бронзовыми предметами (наконечник копья, 2 тесла, стамеска, шило, гарпун, 2 ножа) (погребение нарушено)	?*
4	Большекараганский, 24/2 [Боталов и др., 1996. С. 80-81]	2 кремневых наконечника стрел, бронзовые тесло, оковка от деревянного предмета, изделие неясного назначения, терочник (погребение нарушено)	?
5	Каменный Амбар-5, 2/5, костяк в 2,5 м от юго-восточной стенки ямы [Епимахов, 2005. С. 26. Илл. 18]	Бронзовый наконечник копья, 2 каменные плитки («терочники»), бронзовое колечко (погребение было «ограблено»)	не младше 10 и не старше 22 лет
6	Каменный Амбар-5, 2/5, костяк в 1,9 м от юго-восточной стенки ямы [Епимахов, 2005. Илл. 18]	? (погребение было «ограблено»)	Не младше 10 и не старше 22 лет
7	Каменный Амбар-5, 2/6 [Епимахов, 2005. С. 31]	5 кремневых и 1 каменный наконечники стрел, бронзовые тесло, нож и пластина, костяное пряслище, роговая втулка, пест и каменная плитка («терочник»), 2 створки раковин, 12 подвесок из клыков корсака, 2 фаланги кабана, костяная пронизь (в «ограбленном» погребении выявлены останки 8 умерших от новорожденного до мужчины 30-35 лет, но кого из них маркировал псалий, и какие из перечисленных артефактов сопутствовали этому покойнику, установить невозможно)	?
8	Каменный Амбар-5, 2/8, погребенный I [Епимахов, 2005. С. 36. Илл. 29]	Бронзовые нож, скоба и клинышек, костяные и каменная бусины. Возможно, каменная булава и бронзовая стамеска (не тяготели ни к одному из погребенных)	М 22-26 лет
9	Каменный Амбар-5, 2/8, погребенный II [Епимахов, 2005. С. 36. Илл. 29]	Костяной клинышек, подвески из клыков животных, костяные бусины	8±2 года
10	Каменный Амбар-5, 2/8, погребенный III [Епимахов, 2005. С. 36. Илл. 29]	Кремневый наконечник стрелы, галька	5±2 года
11	Кривое Озеро, 9/1 [Виноградов, 2003. С. 82-88; Рыкушина, 2003. С. 349-350]	2 наконечника стрел (из вулканита и кости), бронзовые тесло, нож, изделие из кремнистой яшмовидной породы со следами сколов, «забитости» и «заломов»	М 50 лет
12	Кривое Озеро, 9/2 [Виноградов, 2003. С. 88, 90-92; Рыкушина, 2003. С. 350]	? (погребение «ограблено»)	Ж 40-50 лет
13	Обилькин Луг-III, 14/1 [Денисов, 2001. С. 41]	Бронзовые нож, 2 шила, игла (лежали в деревянной шкатулке(?), обернутой кожей), более 100 пастовых бусин (на стопах), вероятно, бронзовые украшения (кости умершего сплошь покрыты окислами бронзы) (погребение разрушено в древности)	Взрослый (далее: В)
14	Синташта (СМ), п. 5, костяк А [Генинг и др., 1992. С. 130-132]	20 кремневых наконечников стрел, бронзовые нож и шило, костяные диск с отверстием и стержневидное изделие, фрагмент каменного изделия, 8 астрагалов барана, хвостовой позвонок и копыто лошади, 2 подвески из клыков кабана (погребение было потревожено, а потому точно установить набор инвентаря затруднительно)	В

15	Синташта (СМ), п. 5, костяк Г [Генинг и др., 1992. С. 132]	Бронзовый нож, 39 астрагалов барана	В
16 17	Синташта (СМ), п. 11, костяки А и Б [Генинг и др., 1992. С. 155-158]	Бронзовые серп и шило (погребение, вероятно, было нарушено; вещи лежали «на костях человека»; связаны ли они с одним из умершим, с обоими или каждая – с отдельным погребенным, установить невозможно)	В В
18	Синташта (СМ), п. 12 [Генинг и др., 1992. С. 162-165, 167]	6 кремневых и 2 костяных наконечника стрел, бронзовый и костяной гарпуны, бронзовые «рыболовный крючок», пластинки, гвоздь и обломок «вещицы»	В
19	Синташта (СМ), п. 30 [Генинг и др., 1992. С. 207-209, 214]	Бронзовый наконечник копья, 11 кремневых и 2 костяных наконечника стрел, бронзовый нож, 2 крупных камня (основание давилни и пест?), костяные бляшка и втулка	В
20	Синташта (СМ), п. 39, костяк А [Генинг и др., 1992. С. 229-230]	Бронзовые тесло, нож, 2 «рыболовных крючка», 139 астрагалов барана	В
21	Синташта (СМ), п. 39, костяк Б [Генинг и др., 1992. С. 230-233]	Каменная булава, бронзовый топор, 12 кремневых наконечников стрел, бронзовые нож и гвоздики, каменные подвеска, пест и плитка, 46 астрагалов барана, 2 бронзовых перстня	В
22	Синташта (СІ), п. 14 [Генинг и др., 1992. С. 266-268]	5 кремневых наконечников стрел, каменное «навершие», бронзовые 4 ножа, 3 тесла, серп, 2 шила, 2 «рыболовных крючка», скобы и ф-ты других изделий, 2 песта, 3 каменные плитки, бронзовый перстень, пастовые бусы (погребение «ограблено»; число погребенных, их возраст и то, как распределялся между ними инвентарь, не известно)	?
23	Синташта (СІІ), п. 1 [Генинг и др., 1992. С. 299-304]	2 каменных и 1 бронзовый наконечники стрел, бронзовые нож, шило и 2 скобы, пест (погребение «ограблено»)	?
24	Солнце II, 4/1 [Епимахов, 1996. С. 26-27]	Каменный и костяной наконечники стрел, костяная проколка, астрагалы мелкого рогатого скота, кусочки медной руды (погребение «ограблено»)	?
25	Солончанка ІА, 2/1 [Епимахов, 2004. С. 99-100]	Обломок гальки (погребение «тотально ограблено»)	В
26	Тавлыкаево IV, 2/3 [Васюткин и др., 1985. С. 82]	2 костяные «лопаточки», бронзовая пластинка	Кенотаф?
27	Танаберген II, 7/22 [Ткачев, 2004. С. 8-10]	Мраморная булава, бронзовый наконечник копья с гвоздиком, шилом и ножичком внутри втулки, 13 кремневых, 3 костяных и 1 бронзовый наконечники стрел, бронзовое тесло, плоский каменный топор, бронзовые нож (в деревянном футляре) и фрагменты гвоздиков, раковина grifea, 3 камешка	М 45-60 лет
28	Танаберген II, 7/23, юго-восточный костяк [Ткачев, 2004. С. 10-11, 13]	Бронзовые нож, «стрекало» в костяной муфте**, оселок, бронзовая пластина в берестяном футляре, «суставные кости крупного животного», 2 камешка, галька, камень с отверстием, куски шлака и мела, разноцветные камешки (руда?), бронзовые браслеты (покрытые золотой фольгой) и височные подвески, бляшки из бронзы и фаянса, бусы из бронзы, кости и фаянса	Ж 17-25 лет
29	Танаберген II, 7/33, юго-восточный костяк [Ткачев, 2004. С. 13]	Кремневый наконечник стрелы, бронзовые тесло, нож, «ступка-наковаленка» (молот?), пест	М 45-50 лет

*Сведений о присутствии в могиле человеческих костей у нас нет.

**Изделие, вероятно, является орудием типа т.н. «жалец» (см.: [Пряхин, 2000. С. 81-83]).

Перейдем теперь к рассмотрению комплексов с псалями петровской культуры. Их учтено 10. В одном захоронении находились желобчатые псалии (Аксаيمان, 2/1 [Зданович, 1988. С. 78. Рис. 30, 22-25; Бочкарев, Кузнецов, 2010. С. 338]), в остальных – щитковые.

В данной культуре нам известен один случай, когда с достаточной долей вероятности можно допускать первоначальное размещение псалия на перекрытии могильной ямы. В погребении кургана 14 могильника Баганаты III интересующий нас артефакт находился на 35 см выше

костяка и недалеко от куска деревянной плахи [Плешаков и др., 2005. С. 17]. В погребениях из Кривого Озера, 1/1, 2/1 и Восточно-Курайли-I, 11/4 псалии размещались на дне могилы (в последнем комплексе – по 2 близ каждого из двух погребенных). В захоронениях из Аксаймана, 2/1, Берлика II, 10/1, Жаман-Каргалы I, 14/2 и Кривого Озера, 1/2, 1/3 псалии были выявлены выше дна могильных ям, но все эти комплексы были в той или иной степени нарушенными.

Возраст умерших, сопровождавшихся псалиями, в большинстве случаев (8 из 10) известен (см. табл. 2). При этом в 7 случаях погребенные являлись взрослыми. Среди них были 4 мужчин – 30-40 лет (2 комплекса), 35-40 лет и 35-50 лет. В одном комплексе псалии сопутствовали подростку или ребенку.

Некерамический инвентарь содержался во всех комплексах (см. табл. 2), но от двух из них (Кривое Озеро, 1/1 и 1/2) мы вынуждены были абстрагироваться, т.к. применительно к ним невозможно установить, с какими предметами коррелировали псалии. Что касается оставшихся восьми комплексов, то в шести из них (75%) присутствовали предметы вооружения. Они представлены наконечниками стрел (в основном, кремневыми) в пяти случаях, и в одном – бронзовым наконечником копья. При этом 4 комплекса демонстрировали знаки «ремесел». К таковым относятся тесло и долото (Восточно-Курайли-I, 11/4, скелет 1), шилья (Аксайман, 2/1; Берлик II, 10/1) и «текст» «тесло + шилья» (Восточно-Курайли-I, 11/4, скелет 2).

Возможно, корреляция оружия с атрибутом «ремесла» имела место и в разрушенном захоронении из Кривого Озера, 1/2. Комплекс из Кривого Озера, 2/1 демонстрировал знак только одной функции – военной (наконечник копья),

а комплекс из Кривого Озера, 1/3 – только знак «ремесла» (шило). Впрочем, оба захоронения являлись разрушенными, а потому нет уверенности, что в данных случаях при формировании набора погребального инвентаря не была подчеркнута принадлежность умершего к обеим функциям – военной и производственной.

В одном комплексе погребальный инвентарь маркировал военную и властную функции. Это захоронение из Баганаты III, к. 14. Здесь близ костяка находились каменные наконечники стрел и бронзовая булава. Любопытно, что в комплексе присутствовал богатый набор украшений. Это позволяет предполагать, что мы имеем дело с женщиной.

Обратим внимание на то, что в рассматриваемых комплексах практически отсутствовали явные атрибуты ритуальной функции. Лишь в захоронении из Жаман-Каргалы I, 14/2 находился пест. В погребении из Кривого Озера 1/1 выявлены астрагалы, но оно являлось разрушенным, и к тому же коллективным, а потому невозможно установить, относились ли таранные кости к тому же умершему, что и псалии.

Таким образом, в петровском обществе, в отличие от синташтинского, люди, которых погребали с псалиями, «курировали» почти исключительно военную и производственную сферы, причем, в своем большинстве, – обе одновременно, т.е. являлись преимущественно «бифункционалами». Таким образом, и в петровской культуре лица, погребавшиеся с деталями конской упряжи, не были специализированными воинами. Редкая встречаемость в рассматриваемых захоронениях ритуальных атрибутов позволяет утверждать, что петровское общество являлось более «светским», чем синташтинское.

Таблица 2

Петровская культура. Некерамический инвентарь погребений с псалиями

№	Комплексы	Инвентарь	Возраст, пол
1	Аксайман, 2/1 [Зданович, 1988. С. 78]	2 кремневых наконечника стрел, бронзовое шило (погребение было нарушено не менее 2 раз)	Костей человека нет
2	Баганаты III, к. 14, костяк у восточной стенки ямы* [Плешаков и др., 2005. С. 17]	Бронзовая булава, 2 каменных наконечника стрел, бронзовые нож, бляшки, фрагменты браслета, кольца и других украшений, бусы из бронзы и кости	В
3	Берлик II, 10/1 [Зданович, 1988. С. 76, 78]	5 каменных наконечников стрел, бронзовое шило (погребение, вероятно, было нарушено)	В
4	Восточно-Курайли-I, 11/4, скелет 1 [Ткачев, 2004. С. 17, 20-21]	9 кремневых наконечников стрел, бронзовые тесло, долото, скобы, костяная втулка	М 30-40 лет
5	Восточно-Курайли-I, 11/4, скелет 2 [Ткачев, 2004. С. 17, 20-21]	11 кремневых и 1 костяной наконечники стрел, бронзовые тесло, нож и 2 «стрекала»**, 2 костяных втулки, бронзовая бусина	М 30-40 лет
6	Жаман-Каргала I, 14/2 [Ткачев, 2004. С. 13, 17]	Костяные проколки, бронзовые игла, скобы и бляшка, пест, клыки кабана (погребение было нарушено)	В

7	Кривое Озеро, 1/1 [Виноградов, 2003. С. 33-39]	Кремневый наконечник стрелы, бронзовый нож, деревянная миска, 4 подвески из зубов <i>Canis</i> (одна лежала возле деревянной миски; вблизи последней находились и псалии), 33 астрагала МРС и 3(?) – другого животного, обломок кристалла горного хрусталя со следами сколов (погребение «ограблено»; в могиле выявлены кости ребенка и двух подростков, но как распределялся между ними инвентарь, установить невозможно)	?
8	Кривое Озеро, 1/2 [Виноградов, 2003. С. 39-49]	2 наконечника стрел (из кремневого сланца и кости), роговой распределитель ремней конской узды, бронзовое тесло, 4 астрагала КРС, 61 астрагал МРС и «лощило» из яшмовой гальки (погребение «ограблено»; в могиле выявлены кости взрослого, подростка и ребенка, но как распределялся между ними инвентарь, установить невозможно)	?
9	Кривое Озеро, 1/3 [Виноградов, 2003. С. 49-55; Рыкушина, 2003. С. 345, 349]	Бронзовые нож и шило, каменный диск (погребение «ограблено»)	М 35-40 лет
10	Кривое Озеро, 2/1 [Виноградов, 2003. С. 65-70]	Бронзовый наконечник копья (погребение «ограблено»)	М 50-55 лет

*Погребение являлось коллективным. Связь псалия именно с этим костяком весьма вероятна, но не бесспорна.

**На наш взгляд, это обычные шилья.

Еще один учтенный комплекс относится к **нуртайской** культуре. Он выявлен в к. 1 могильника Ащису (Карагандинская обл., Казахстан). Здесь близ остатков жертвоприношения лошади, локализовавшихся к югу от п. 1, находился щитковый псалий. Погребение было «ограблено». Кости человека в могиле отсутствовали. Возможно, комплекс являлся кенотафом. Из погребального инвентаря уцелели лишь бронзовые втульчатый «крюк-багор» и «стрекало» [Кукушкин, 2007. С. 41-43]. Функциональное назначение первого артефакта и, соответственно, его семантика, не ясны [см.: Новоженев, 2014. С. 92]. «Стрекало» же, скорее всего, следует интерпретировать как шило или сверло и связывать с «ремеслом». В целом, судить о социальной позиции погребенного затруднительно. Во всяком случае, относить его к «воинам-колесничим» нет оснований.

Комплексов **потаповской** культуры учтено 7. В них выявлены только щитковые псалии. Почти во всех случаях рассматриваемые артефакты размещались на дне могил. Лишь применительно к разрушенному захоронению из Утевки VI, 2/3 первоначальную локализацию псалий установить невозможно.

Потаповская культура демонстрирует корреляцию псалий почти исключительно со взрослыми (см. табл. 3). Это можно утверждать применительно к комплексам из Потаповки, 3/4 и Утевки VI, 2/3, 6/6 и

6/5. Относительно последнего захоронения отметим, что публикация его ограничивается таблицей с рисунками вещей, бывших в могиле. Судя по плану кургана [Васильев и др., 1992. Рис. 1], данные вещи сопутствовали двум взрослым, лежавшим в «позе объятий». Отсюда правомерно допустить, что мы имеем дело с мужчиной и женщиной. И хотя из публикации невозможно установить, близ кого из них размещались псалии⁴⁴, при любой локализации последних имела место корреляция данных изделий со взрослым (или – обоими взрослыми). Иная ситуация зафиксирована в погребении из Потаповки, 5/8. Здесь выявлены костяки мужчины и подростка. Псалии не тяготели ни к одному из них, т.е., возможно, являлись «общими».

Перейдем к рассмотрению погребального инвентаря (см. табл. 3). Один из комплексов (Утевка VI, 2/3) сильно разрушен, а второй (Утевка VI, 2/3), как отмечалось выше, опубликован неполно. Поскольку в обоих случаях невозможно реконструировать набор вещей, коррелировавших с псалиями, от названных комплексов мы решили абстрагироваться. Из 5 оставшихся 3 демонстрировали причастность умерших одновременно к военной функции и «ремеслу». В частности, комплекс из Потаповки, 3/4 содержал наконечники стрел и шило. В комплексе из Утевки VI, 6/4 выявлены бронзовый наконечник копья и стрелы, а также – бронзовое тесло.

В комплексе из Утевки VI, 6/6 присутствовали наконечники стрел, глиняные сопла, бронзовые тесло, долото, шило и костяное пряслице.

В парном погребении из Потаповки, 5/8 близ костяка подростка лежали «альчики». Возможно, они являлись ритуальными атрибутами. В моги-

ле выявлены также наконечники стрел, которые располагались поодаль и от подростка, и от похороненного в этой же могиле взрослого, но, скорее всего, являлись атрибутами второго. Если это так, то погребение демонстрирует поляризацию между военной и ритуальной функциями.

Таблица 3

Потаповская культура. Некерамический инвентарь погребений с псалями

№	Комплексы	Инвентарь	Возраст, пол
1	Потаповка, 3/4, вторичное захоронение [Васильев и др., 1994. С. 22-26]	Комплекс 1: кремневый наконечник стрелы, бронзовые нож, шило, крючок (вероятно, вещи были в чехле); комплекс 2: 2 кремневых наконечника стрел, фрагмент ножевидной пластины с ретушью, полированное каменное изделие, костяная пластинка, лежавшие в ряд. Кремневый наконечник стрелы, роговой гарпун, изделия из ребра животного и зуба бобра, фрагмент бронзовой подвески	В
2, 3	Потаповка, 5/8 [Васильев и др., 1994. С. 32-35; Яблонский, Хохлов, 1994. Табл. 1; Черленок, 2004. С. 55]	Вещи, не тяготевшие к конкретному костяку*: 10 кремневых наконечников стрел, изделие из рога дикого животного. Вещи близ костяка 1: 2 «медных» ножа, шлифованное изделие из камня. Вещи близ костяка 2: 12 «альчиков»	М до 30-35 лет (костяк 1) 7-8 лет (костяк 2)
4	Утевка VI, 2/3 [Васильев, 1975]	Медный «рыболовный» крючок (погребение сильно разрушено)	В
5	Утевка VI, 6/4 [Васильев и др., 1992. Рис. 4; Черленок, 2004. С. 55]	Костяная «лопаточка», бронзовый наконечник копья, 6 кремневых наконечников стрел, бронзовые тесло, нож, скобы	?
6	Утевка VI, 6/5 [Васильев и др., 1992. Рис. 1; 5**, Черленок, 2004. С. 55]	8 кремневых наконечников стрел, бронзовые шилья (2), браслеты (2), золотая височная подвеска, капля меди (погребение являлось парным. Из публикации не ясно, как распределялся между умершими инвентарь)	В
7	Утевка VI, 6/6 [Васильев и др., 1992. Рис. 6, 1-13; Черленок, 2004. С. 55]	5 кремневых наконечников стрел, глиняные сопла, бронзовые тесло, долото, серп, нож, шило, костяное пряслице	В

*Такой же была локализация псалий.

**В подписи к рис. 5 ошибочно указано, что вещи происходят из захоронения 6.

В целом, можно констатировать, что картина, демонстрируемая потаповскими захоронениями, более близка к той, которую показывает петровская, а не синташтинская культура: люди, погребавшиеся с псалями, были, по большей части, «бифункционалами», причем ведали они, в основном, военной функцией и «ремеслом». Отметим и то, что ни в одном из рассматриваемых потаповских захоронений не находилось явных знаков властителей. Правда, в погребении из Утевки VI, 6/2 выявлена костяная втульчатая

«лопаточка». Такие изделия иногда рассматриваются как инсигнии власти [Зданович, 2002. С. 150], но предлагались и иные предположения об их функциональном назначении [Отрощенко, 1996. С. 8; Санжаров, Супрун, 2000. С. 85; Зданович, 2002. С. 150; Федоров, 2007. С. 182-184]. Ни одна из гипотез о характере использования «лопаточек» до сих пор не может считаться надежно обоснованной⁴⁵.

Подводя итог рассмотрению погребений потаповской культуры, отметим, что они не демон-

⁴⁵ Исходя из результатов прошедших трасологический анализ «лопаточек» [Усачук, 2005. С. 187-188], можно сказать, что они не являются орудиями. Поэтому наконечниками стрел, как считают некоторые исследователи [Санжаров, Супрун, 2000. С. 85], «лопаточки» быть не могут. В свою очередь, идея использования «лопаточек» в виде своеобразных наверший не противоречит следам, зафиксированным на этих изделиях. К сожалению, говорить об этом можно только как о тенденции, потому что на сегодняшний день трасологическому анализу подвергнуто только 8 «лопаточек» [Усачук, 2015].

стрируют жесткой корреляции псалий с военной функцией.

Комплексов **покровской** культуры учтено 18. В большинстве из них находились щитковые псалии, но в двух выявлены желобчатые (Золотая Гора, 1/1 [Бочкарев, Кузнецов, 2010. Рис. 5, 3-5]⁴⁶; хутор Веселый, 1/1 [Усачук, Чаплыгин, 2009. Рис. 5]), причем в последнем комплексе желобчатый псалий коррелировал с двумя щитковыми.

Для покровской культуры также было характерно помещение конской узды преимущественно на дно могил. Это зафиксировано в 11 случаях. Еще в одном захоронении (Урень I, 6/1) узда в ходе погребальной церемонии, вероятно, была повешена на стенку могильной ямы. Применительно к захоронению из Березовки, 3/2 можно допускать, что псалий был помещен на перекрытие могильной ямы [Дремов, 1997. С. 148]. В трех нарушенных захоронениях рассматриваемые артефакты выявлены в заполнении могил (Красноселка, п. 1; Бородаевка II, 1/21; Тарумовка-1, 2/1). Где они размещались первоначально, установить невозможно. Псалий из Суворовского, 2/1 был обнаружен в норе животного. Наконечник, относительно локализации псалия из Идолги, к. 3 данные у нас отсутствуют, т.к. комплекс опубликован неполно.

В покровской культуре псалии, вероятно, сопутствовали исключительно взрослым (см. табл. 4). Во всяком случае, это имело место в 16 комплексах. По двум комплексам данных о возрасте умерших нет, т.к. одно захоронение являлось кенотафом, а во втором погребенный был кремирован. Стоит, впрочем, уточнить, что в случае с нарушенным захоронением из Уваровского II, 11/2, где обнаружены останки мужчины 20-25 лет и молодой женщины, невозможно выяснить, кого именно из умерших сопровождали псалии. Но, тем не менее, в любом случае они коррелировались со взрослыми. Обратим внимание на то, что в группе лиц, возраст которых определен в годах, лишь 1 из четырех был в возрасте, превышающем 35 лет. Диаметрально противоположная картина в синташтинской культуре. Здесь среди погребенных с псалиями взрослых, возраст которых известен, один был младше 35 лет, а четверо – старше. Отдавая

себе отчет в том, что обе сводки нерепрезентативны, осмелимся, однако, предположить, что наше наблюдение отражает реальную картину: в обществе покровской культуры доминирующее положение занимали более молодые, чем в синташтинской культуре, люди. Словом, синташтинское общество было более «геронтократичным», чем покровское.

Некерамический инвентарь встречен в 17 комплексах с псалиями покровской культуры (см. табл. 4). Из этих комплексов 5 включали лишь такие вещи, которые трудно связать с какой-либо функцией. В 6 случаях выявлены предметы вооружения: наконечники стрел (5 комплексов) и бронзовый наконечник копья (1)⁴⁷. Таким образом, лишь около 33,3% комплексов можно при желании интерпретировать как захоронения «воинов-колесничих». Добавим, что из 6 захоронений с маркерами военной функции 3 содержали и предметы, связанные с другими функциями.

Среди лиц, погребенных с псалиями, один являлся «трифункционалом»: в погребении из Бородаевки II, 1/21 находились наконечник стрелы, 2 шила и пест.

Трое умерших причислены нами к «бифункционалам». В частности, в захоронении из Березовки, 3/2 присутствовали знак «ремесла» – шило и знаки ритуальной функции – деревянная чаша с бронзовой накладкой и галька. Комплекс из Дубового Гая, 1/4 демонстрировал знак военной функции (наконечники стрел) и 2 артефакта, о которых стоит сказать более детально. Один из них назван в публикации «стрекалом». Это – бронзовый стержень с тупым концом, находившийся в костяной муфте, где имелись и остатки дерева [Зеленева, Юдин, 2010. Рис. 70, 16]. По мнению авторов публикации, стержень был вставлен в длинное древко [Там же. С. 140]. Предложенная исследователями интерпретация не представляется нам убедительной. У стрекала должно быть достаточно длинное древко, но никаких следов такового не сохранилось. И это притом, что фиксировались остатки берестяного «туеска», находившегося рядом со «стрекалом». Отсюда следует, что, скорее всего, мы вновь имеем дело с «жальцем» – орудием для не вполне ясных производственных операций (возможно, сверло). Второй артефакт – бронзовый сплеск. На наш взгляд,

⁴⁶ Обратим внимание на то, что авторы раскопок называли эти псалии то щитковыми, то желобчатыми [Юдин, Матюхин, 2006. С. 22, 51]. В.С. Бочкарев и П.Ф. Кузнецов отнесли находки из Золотой Горы к новоклочевскому типу желобчатых псалий [2010. С. 307, 338-339]. Другие исследователи причисляли данные псалии к щитковым [Пряхин, Беседин, 1997. С. 79; Усачук, 2013. С. 65]. На наш взгляд, артефакты из Золотой Горы, как и псалии из Обилькина Луга-III, – это своеобразные «пограничные» формы [Там же. С. 66. Сноска 67]. В итоге мы лишний раз убеждаемся в том, что желобчатые псалии «в конструктивном отношении ... являются одной из разновидностей щитковых псалий» [Бочкарев, Кузнецов, 2010. С. 294].

⁴⁷ Уточним, что наконечник копья выявлен еще в 1 погребении (Березовка, 3/2), но здесь он находился на перекрытии, а потому к погребальному инвентарю мы его не причисляем.

заслуживает поддержки гипотеза Л.С. Ильюкова, согласно которой подобные предметы правомерно считать знаками металлургов [Ильюков, 1986. С. 230]. Таким образом, велика вероятность того, что в контексте комплекса из Дубового Гая, 1/4 присутствовали знаки «ремесел». Комплекс из Ново-Яблоновки, одиночный курган, п. 1 демонстрировал знаки военной функции (наконечники стрел) и ритуальной функции (астрагалы мелкого рогатого скота).

Более всего среди лиц, погребенных с псалиями, было «унифункционалов». Трое являлись носителями военной функции (Идолга, к. 3; Красноселка, одиночный курган, п. 1; Урень I, 6/1). Четырех сопровождали предметы, связанные с «ремеслами». При этом в захоронении из Старицкого, 1/2 находилось пряслице. В погребениях из Сторожевки, 2/2 и Тарумовки-1, 2/1 выявлены шилья. В состав комплекса из Сторожевки, 1/1 входили в 4 заостренных костяных предмета [Кочерженко, 1996. Рис. 1,

3-6]. Они могут быть причислены к т.н. «спицам» [Усачук, 1992. С. 207-208; Цимиданов, 1995. С. 35-36; Усачук, Литвиненко, 1999; 2003], связанным с приспособлениями для чесания шерсти [Панковський, 2012. С. 71-82] – гребнями-кардами⁴⁸. Эти орудия были связаны с прядением⁴⁹.

В погребении из Баранниково, 1/2 находился атрибут властителя – булава. Возможно, к знакам власти относятся и резные костяные втулки, присутствовавшие в захоронениях из Березовки, 3/2 [Дремов, 1997. Рис. 3, 3, 4] и Ново-Яблоновки, одиночный курган, п. 1 [Африканов, 2010а. Рис. 57, 30]. Подобные изделия могли являться деталями жезлов (см.: [Отрощенко, 1993. С. 101-102; Усачук, 2010а. С. 250; 2010б. С. 195]).

В целом, можно констатировать, что представители покровского общества, погребавшиеся с псалиями, были связаны с разными функциями, причем военная стояла отнюдь не на первом месте среди них.

Таблица 4

Покровская культура. Некерамический инвентарь погребений с псалиями, находившимися на дне могильных ям

№	Комплексы	Инвентарь	Возраст, пол
1	Баранниково, 1/2 [Мыськов и др., 2004. С. 128, 132, 134]	Каменная булава, бронзовый нож, клык волка	М 45-50 лет
2	Березовка, 3/2 [Дремов, 1997. С. 147-149]	Резные костяные втулки (детали жезла?), бронзовые нож, шило, накладка от чаши, орнаментированные костяные пластинки, галька	М
3	Бородаевка II Калмыцкая Гора, 1/21 [Лопатин, 2009. С. 54-55]	1 кремневый наконечник стрелы, каменные «наковальня» и пест, бронзовые нож и «стрекало»*, костяная «шпилька» (погребение сильно нарушено норами животных)	М
4	Веселый, 1/1 [Усачук, Чаплыгин, 2009. С. 73-74]	? (погребение нарушено кладоискателями)	В
5	Дубовый Гай, 1/4 [Зеленев, Юдин, 2010. С. 138-142]	8 кремневых и 1 костяной наконечники стрел, бронзовые ножи (2), «бритва», «стрекало»**, деревянное изделие с бронзовой обоймой, берестяной туесок, бронзовый сплеск, стеклянные бусы	М 25-35 лет
6	Золотая Гора, 1/1 [Юдин, Матюхин, 2006. С. 21-23]	Бронзовый нож	В
7	Золотая Гора, 4/1 [Матюхин, 1998]	Бронзовый нож, костяные резные костяные пластинка, диск, эллипс, втулка, фрагмент костяного кольца	В
8	Идолга, к. 3 [Малов, 2003. С. 186]	3 кремневых наконечника стрел, бронзовый нож	В
9	Краснополье, 2/4 [Синицын, 1959. С. 157]	Бронзовый нож	М
10	Красноселки, одиночный курган, п. 1 [Халяпин, Порохова, 2000. С. 109]	Бронзовый наконечник копья (погребение разрушено)	В

⁴⁸ По В.И. Далю: «КАРДА ... ворсальная щетка, чесалка, для чески шерсти и хлопка ...» [Даль, 1979. С. 92]. Краткая история применения и усовершенствования кард см.: [Малов, 1959. С. 342-343].

⁴⁹ Под рисунком XIV в., на котором изображена пряжа, занятая расческой шерсти, написано: «Пара чесалок являлась настолько же необходимой домашней принадлежностью, как веретено и прялка» [Малов, 1959. С. 343].

11	Ново-Яблоновка, одиночный курган, п. 1 [Африканов, 2010а. С. 124-125]	2 кремневых и 1 костяной наконечники стрел, бронзовый нож, костяная резная втулка (фрагмент жезла?), изделие из бересты с бронзовой накладкой и скобами, астрагал МРС	Кенотаф
12	Старицкое, 1/2 [Дремов, 1991]	Бронзовый нож, глиняное колесико (пряслице?), костяная втулка	М 30 лет
13	Сторожевка, 1/1 [Кочерженко, 1996. С. 53]	Костяные острия (4) и пластинка, бронзовые подвеска и заостренное изделие	В
14	Сторожевка, 2/2 [Ляхов, 2009. С. 145-146]	Бронзовые шило и скоба (разрушено в древности)	В
15	Суворовский, 2/1 [Африканов, 2010б. С. 10-11]	Костяная «пронизь» (погребение разрушено)	В
16	Тарумовка-1, 2/1 [Малов, 2012. С. 75-79]	Бронзовое шило, фрагменты 2 костяных изделий, в т.ч. пронизи, фаянсовая бусина (погребение сильно нарушено норами)	М?
17	Уваровский II, 11/2 [Михайлова, Кузьмина, 1999. С. 104-107]	Фрагмент бронзового изделия (погребение сильно нарушено норами животных и, вероятно, вскрывалось в древности; выявлены кости мужчины 20-25 лет и молодой женщины, но с кем из умерших были связаны псалий и бронзовое изделие, установить невозможно)	
18	Урень I, 6/1 [Багаутдинов, 1992; Зудина, 1998. С. 38, 39]	Кремневый наконечник стрелы, бронзовый нож, фрагмент костяного изделия	Кремация

*На наш взгляд, это – обычные шилья.

**На наш взгляд, это – «жальце».

Комплексов **доно-волжской абашевской культуры** (далее – ДВАК) учтено 22. В одном из них (Красный 1, 1/2 [Матвеев и др., 2005. С. 143; рис. 7, 1, 2]) находились щитковые и желобчатые псалии, в остальных – щитковые.

В ДВАК размещение псалий на дне могил также, вероятно, являлось почти правилом. Такая локализация имела место в 14 из учтенных случаев. В погребении из Селезней-1, 1/2 данное правило, похоже, нарушалось: 2 псалия выявлены на дне могилы, а третий – в заполнении. Скорее всего, он первоначально находился на перекрытии могильной ямы. А в погребении из Селезней-2, 1/3 псалии размещались и на дне и вне могилы – на ее краю у северо-восточного угла. Еще в четырех сильно разрушенных погребениях интересующие нас изделия выявлены в заполнении могил (Богоявленское, 1/3; Второй Липецкий курган, п. 2; Елка 1, 2/1; Красный 1, 1/2), а в двух – в норе (Кондрашкинский курган, п. 1; Софьино, 4/1), и установить их первоначальную локализацию невозможно. Наконец, по захоронению из Кондрашевки, 1/1 данных о локализации псалий у нас нет.

Особенностью захоронений с псалиями ДВАК является необычайно высокий удельный вес кенотафов в данном массиве (6 или 7 из 22

захоронений, т.е. 27,3% или 31,8%). Ни одна из культур, рассмотренных выше, подобной картины не демонстрирует. Обращает на себя внимание еще и то, что почти все кенотафы с псалиями ДВАК содержали предметы вооружения (см. табл. 5). Отсюда, впрочем, не следует делать вывод, что данные кенотафы сооружены в честь воинов, бесследно сгинувших на чужбине. На наш взгляд, кенотафы эпохи бронзы могли посвящаться и выдающимся людям, которых не предавали земле, чтобы использовать их останки в обрядовой сфере (см.: [Цимиданов, 2004. С. 59]).

Среди тех умерших, тела которых поместили в могилы, все являлись взрослыми. Пол их определен в четырех случаях и во всех он был мужским. Данные о возрасте имеются в двух случаях – 40-45 и 45-55 лет⁵⁰.

Некерамический инвентарь присутствовал в 21 комплексе (см. табл. 5). Правда, как и в рассмотренных выше культурах, в ДВАК часть комплексов с псалиями была разрушена, а потому полный набор вещей, сопутствовавших усопшему, устанавливается не всегда. В пяти комплексах находились вещи, которые затруднительно связать с какой-либо функцией. Оружие выявлено в 14 захоронениях. Оно представлено преимущественно наконечниками стрел. В одном ком-

⁵⁰ Известны пол и возраст погребенных в п. 2 Второго Липецкого кургана: двое мужчин 25-35 лет, мужчина 30-40 лет и женщина 25-30 лет [Казарницкий, 2012. С. 76], но могила ограблена и неясно, кому из умерших был положен шип (или псалий?). Можно лишь заметить, что шип или псалий положены, скорее всего, кому-то из мужчин в северной части ямы.

плексе находились бронзовый наконечник копья и топор (Кондрашкинский курган, п. 1), еще в одном – бронзовый наконечник копья⁵¹. Удельный вес захоронений с оружием в рассматриваемом массиве очень высок – 66,7%, что превосходит соответствующие показатели по синташтинской и покровской культурам, хотя уступает показателям по петровской и потаповской культурам. Стоит заострить внимание на том, что «чистых» воинов среди представителей общества ДВАК, погребенных с псалями, было не более шести, т.е. меньше половины. Остальные ассоциировались у соплеменников не только с военной, но и с другими функциями.

Четверо умерших являлись «трифункционалами». Любопытно, что все захоронения данной группы выявлены под одной курганной насыпью (к. 1) в могильнике Селезни-2. При этом в п. 1 атрибуты воина были представлены наконечниками стрел. Пять «жалец» (скорее всего – сверл) и один из находившихся в кенотафе «кузнечных молотов» мы склонны трактовать как атрибуты «ремесел». Астрагалы, вероятно, маркировали причастность умершего к ритуальной функции. Второй «кузнечный молот» из комплекса служил для растирания охры, а потому и его мы причислили к ритуальным атрибутам.

В п. 2 данного кургана знаками военной функции также являлись наконечники стрел, «ремесло» кодировали бронзовые «жальца» (сверла?), а ритуальную функцию – «кузнечный молоточек» с охрой на поверхности. В п. 3 оружие было представлено бронзовым наконечником копья и наконечниками стрел, «ремесленные» атрибуты – шилом и «жальцем» (сверлом?), а ритуальные предметы – астрагалами. Наконец, в п. 4 атрибутами военной функции выступали наконечники стрел, знаками «ремесла» – «мо-

лоточек», «молоточек-абразив», шило и «жальце» (сверло?), а знаками ритуальной функции – астрагалы.

Четверо погребенных были интерпретированы нами как «бифункционалы». Один из них (Власовка, 16/4) был причастен к военной и ритуальной функциям, что маркируют наконечники стрел и астрагалы. Двое имели отношение к военной функции и «ремеслу». В частности, комплекс из Кондрашкинского кургана, п. 1 включал бронзовые копье и топор, наконечники стрел и бронзовое тесло. А в комплексе из Софьино, 4/1 выявлены наконечник стрелы, каменный молот и шило. Наконец, четвертый умерший (Кондрашевка, 1/1) сопровождался вещами, кодированными «ремесло» (шило) и ритуальную функцию (астрагалы мелкого рогатого скота).

Еще 7 умерших являлись «унифункционалами», причем всех их сопровождали знаки военной функции. Любопытно, что в сводке отсутствуют «унифункциональные» комплексы ДВАК со знаками «ремесла» или ритуальной функции. Давать интерпретацию этому факту мы не торопимся.

Явные инсигнии власти находились в четырех комплексах. Они представлены булавами (3 случая) и каменным проушным топором (1). Среди властителей были «трифункционал» (Селезни-2, 1/1), «бифункционал», «курировавший» военную и ритуальную функции (Власовка, 16/4), «унифункционал» - воин (Селезни-1, 1/2) и человек, погребальный инвентарь которого не включал выразительных знаков какой-либо из трех основных функций (Рождествено 1, 4/1).

Таким образом, захоронения ДВАК демонстрируют знакомую картину: псалии сопровождали лиц, имевших отношение не только к военной, но и к другим функциям.

Таблица 5

Дно-волжская абашевская культура. Некерамический инвентарь погребений с псалями

№	Комплексы	Инвентарь	Возраст, пол
1	Богоявленское, 1/3 [Пряхин, Матвеев, 1991. С. 263-265]	Костяная пряжка (погребение сильно разрушено норами животных)	В
2	Большая Пластица, 1/2 [Мельников, 2003. С. 239-241]	Костяная пряжка	Кенотаф
3	Введенка, 1/2, северный костяк [Синюк, Килейников, 1976. С. 163-165]	2 бронзовых ножа, костяная пряжка	М
4	Власовка, 16/4 [Синюк, Погорелов, 1993. С. 14-19]	Каменная булава, костяная «лопаточка», 8 кремневых наконечников стрел, бронзовый нож, костяные пряжка и 2 лопаточковидных изделия, астрагалы	М 40-45 лет

⁵¹ Наконечник копья был выявлен и в к. 1 могильника Большая Пластица. Но он находился не в могиле, а в жертвенном комплексе, локализовавшемся вне ее, а потому погребальным инвентарем не являлся.

5	Второй Липецкий курган, п. 2 [Голотвин, Пряхин, 2014. С. 26-27; Казарницкий, 2012. С. 76]	3 кремневых наконечника стрел, бронзовый нож, костяные «лопаточка» (фрагмент), «застежки» (1 целая и фрагменты еще двух), пряжка (фрагмент), 2 астрагала кабана и 17 – косули, клык животного (погребение разрушено грабителями и землеройными животными; в могиле находились кости 3 мужчин (двух 25-35 лет и одного 30-40 лет) и женщины(?) 25-30 лет; установить, с кем из умерших связаны конкретные предметы, невозможно)	
6	Елка 1, 2/1*	Бронзовый нож, костяная втулка (погребение «ограблено» в древности)	М 45-55 лет
7	Кондрашевка, 1/1 [Ефименко, Третьяков, 1961. С. 88; Пряхин, 1977. С. 21]	Бронзовое шило, костяная «застежка», клыки кабана, 3 овечьих астрагала	?
8	Кондрашкинский курган, п. 1 [Пряхин и др., 1989. С. 4-6]	Бронзовые наконечник копья и топор, 25 кремневых наконечников стрел, бронзовые тесло и нож, деревянная «лопаточка», обложенная бронзовой пластинкой, костяные фигурные пластинки и пряжка (погребение нарушено норами животных)	М
9	Красный 1, 1/2 [Матвеев и др., 2005. С. 142-143]	1 кремневый наконечник стрелы, костяная пряжка (погребение было «ограблено»)	В
10	Пичаево, одиночный курган, п. 1 [Моисеев, 1998. С. 27, 30-31]	Костяная «лопаточка»	В
11	Плясоватка, 1/1 [Синюк и др., 2004. С. 163, 165-167]	12 кремневых наконечников стрел, бронзовые нож и скоба, костяное изделие (погребение нарушено норами животных)	В
12	Рождествено 1, 4/1**	Каменный топор, костяное землекопное орудие, 2 бронзовых ножа	В
13	Селезни-1, 1/2 [Моисеев, 1998. С. 15, 18, 20]	Меловая булава (фрагмент), 7 кремневых наконечников стрел, бронзовые нож и скоба	Кенотаф
14	Селезни-2, 1/1 [Пряхин, 2000. С. 80-81]	Булава из мраморизированного известняка, 14 кремневых наконечников стрел, 2 «кузнечных молота» (один служил для растирания охры), бронзовые нож и 5 «жалец», деревянное блюдо, 25 астрагалов животного, подвеска из клыка медведя	Кенотаф
15	Селезни-2, 1/2 [Пряхин, 2000. С. 81-82]	4 кремневых наконечника стрел, бронзовые нож, 2 бронзовых «жалец», 2 кремневых орудия, бронзовые скобы, «кузнечный молоточек» с охрой на поверхности, клык кабана, бронзовая пронизь	Кенотаф
16	Селезни-2, 1/3 [Пряхин, 2000. С. 82]	Бронзовый наконечник копья, 2 кремневых наконечника стрел, бронзовые шило и «жальце», костяная пряжка, 2 астрагала животных	Кенотаф
17	Селезни-2, 1/4 [Пряхин, 2000. С. 82-84]	13 кремневых наконечников стрел, фрагмент костяного землеройного орудия, каменные «молоточек» и «молоточек-абразив», бронзовые нож, «жальце» и шило, берестяное изделие с бронзовыми скобами, фрагмент «обкладки», костяные пряжки (2) и «запонки» (2), астрагалы	Кенотаф
18	Софьино, 4/1 [Пряхин, Матвеев, 1988. С. 113-115]	Кремневый наконечник стрелы, бронзовое шило, каменный молот (погребение нарушено, вероятно, землеройными животными)	В
19	Староюрьево, 2/1 [Пряхин, 1972. С. 235]	Кремневый и 2 костяных наконечника стрел, бронзовый нож	Кенотаф?
20	Филатовский курган, п. 1, северо-западный костяк [Синюк, Козмирчук, 1995. С. 46-47; Пряхин, 2000. С. 82-84. Рис. 7]	1 кремневый наконечник стрелы, костяная «лопаточка», бронзовые ножи (2), скрепка, каменный «алтарик» с охрой, костяная «заколка» (погребение нарушено)	В

21	Филатовский курган, п. 1, юго-западный костяк [Синюк, Козмирчук, 1995. С. 46-47; Пряхин, 2000. С. 82-84. Рис. 7]	1 кремневый наконечник стрелы, бронзовый нож, костяная пряжка (погребение нарушено)	В
22	Филатовский курган, п. 1, юго-восточный костяк [Синюк, Козмирчук, 1995. С. 46-47; Пряхин, 2000. С. 82-84. Рис. 7]	1 костяной наконечник стрелы, костяная пряжка	В

*Комплекс не опубликован. Информацию о нем авторам любезно сообщил А.П. Медведев.

**Комплекс готовится к публикации. Информацию о нем авторам любезно сообщил А.М. Скоробогатов.

Скажем теперь о двух захоронениях с деталями конской узды, выявленных в Зеравшанской долине и относящихся к **зеравшанскому варианту Бактрийско-Маргианского археологического комплекса**. Хотя присутствовавшие в них псалии типологически близки некоторым из упоминавшихся выше, сами комплексы представляют совершенно иной культурный мир. Один из комплексов был обнаружен в Зардчахалифа (Согдийский вилоят, Таджикистан). В погребении взрослого, кроме псалий и удила (2 комплекта), находились керамические сосуды (3), бронзовые сосудики (3), каменные пест и заготовка пряслица, бронзовые кинжал, нож, заклепки (4), «застежки» (4), булава с зооморфной головкой, золотые височное кольцо, бисер и накладка, бисер из бирюзы, костяные фрагмент трубки и заготовка застежки [Бобомуллоев, 1993. С. 58-59; 1999. С. 307-309; Массон, 1999. С. 272]. Возможно, комплекс синхронен синташтинской культуре [Массон, 1999. С. 272; Бочкарев, Кузнецов, 2014. Рис. 1, 5, 6].

Обилие украшений в захоронении позволяет с известной долей осторожности предполагать, что оно являлось женским. Присутствие в составе комплекса песта и заготовки пряслица свидетельствует, на наш взгляд, о причастности погребённой к ритуальной функции и «ремеслу».

Второй комплекс – могила 2 могильника Сазаганское Староречье (Самаркандский вилоят, Узбекистан) [Аванесова, 2002. С. 20-21]. В погребении мужчины 25-30 лет, помимо двух псалий, семи керамических сосудов, двух бронзовых ножей (один лежал на деревянном блюде вместе с костями козы) и бронзовой булавы, присутствовали разнообразные артефакты, образующие скопления:

а) локализовавшиеся у стоп погребённого каменная кирка для «обкапывания и извлечения твердой породы», подставка-наковальня из гальки, кремневые резец, сверло, развертка и наконечник стрелы, на котором имеются следы вторичного использования в качестве сверла для работы по камню, а также еще 2 наконечника стрел (кремневый и из окремненного известняка);

б) куски бирюзы (на одном видны следы сверления) и лазурита, лежавшие в одном из сосудов;

в) находившиеся в кожаном мешочке на поясе бусы из хлорита, лазурита и сердолика, в т.ч. заготовки (отсутствуют отверстия) и бракованные экземпляры с нестыковкой двустороннего канала сверления;

г) бусы из лазурита, бирюзы и агата, концентрировавшиеся близ черепа (украшения головного убора?) [Аванесова, 2010. С. 338-339, 341-343, 346-347, 349-354, 356].

Н.А. Аванесова довольно убедительно показала, что умерший являлся «мастером-ювелиром», изготовлявшим бусы из самоцветов, о чем свидетельствует присутствие в могиле соответствующих орудий⁵², сырья (необработанные куски лазурита и бирюзы), бракованных изделий, заготовок. Псалии же, как считает автор, подчеркивали «высокий статус» погребённого [Там же. С. 356-357].

Подведем итог. Чем больше захоронений с псалиями вводится в научный оборот, тем все более сомнительной становится гипотеза, согласно которой данные артефакты маркируют, прежде всего, носителей военной функции, сражавшихся на колесницах. Мы не склонны отрицать то, что в некоторых обществах эпохи бронзы (например, покровском и доно-волжском абашевском) существовала социальная группа воинов-профессионалов, и что в могилы данных воинов могла помещаться конская узда. Однако, среди погребённых, которым сопутствовала эта узда, а порой – и повозки или их колеса, больше было тех, кто играл при жизни иные общественные роли. В частности, многих из этих людей правомерно причислять к т.н. «священным царям» – властителям, обладавшим, по мнению соплеменников, магическими способностями, позволявшими им обеспечивать благополучие социума в самых разных сферах жизни и, вдобавок, поддерживать миропорядок. Конская узда в контексте погребального обряда рассматривает-

мых культур, скорее всего, была символической заменой двухколесной повозки. Данные повозки, учитывая сложность и дороговизну их изготовления, несомненно, являлись элитным (возможно, – даже исключительно обрядовым) видом транспорта. Соответственно, упряжь, положенная в могилу, была знаком высокого общественного положения усопшего и/или его причастности к сфере сакрального. В этом своем качестве

узда могла сопровождать и «священного царя», и носителя «светской» власти, и служителя культа, не имевшего отношения к отправлению властной функции, и «ремесленника», и воина, и просто выдающегося члена социума, и, в редких случаях, даже ребенка или подростка, обладавшего в глазах соплеменников какими-то качествами, не вполне понятными нам, но важными для них⁵³.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аванесова Н.А. Новые материалы эпохи бронзы Зерафшанской долины // Узбекистонда археологик таджикотлар 2001-йил / масъул мухаррир т.ф.д. Т.Ш. Ширинов. Тошкент: Абдулла Кодирий номидаги халк мероси нашриёти, 2002. С. 20-25.

Аванесова Н.А. Зерафшанская культурная провинция Бактрийско-Маргианской цивилизации // На пути открытия цивилизации: Труды Маргианской археологической экспедиции / Ред. П.М. Кожин и др. СПб.: Алетейя, 2010. С. 334-364.

Африканов Ю.А. Археологические памятники у ст. Буровка, с. Ново-Яблоновка и с. Дубовый Гай // Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам исследований в 2005-2006 гг.) / Ред. А.И. Юдин. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2010а. С. 119-155.

Африканов Ю.А. Курганы эпохи бронзы у разъезда Суворовский // Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам исследований в 2005-2006 гг.) / Ред. А.И. Юдин. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2010б. С. 7-15.

Багаутдинов Р.С. Отчет о раскопках курганных групп Урень I, II, IV в Старо-Майнском районе Ульяновской области по открытому листу №446 в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1, №18322.

Березанская С.С. Культура многоваликовой керамики // Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наукова думка, 1986. С. 5-43.

Березанська С.С., Ляшко С.М. Вивчення ремесла за виробничими комплексами з пам'яток доби бронзи // Археологія. 1989. №3. С. 18-30.

Берсенева Н.А. О подходах к изучению милитаризации синташтинского общества // КСИА. 2013. Вып. 231. С. 36-43.

Беседин В.И. О хронологии Пепкинского кургана // РА. 1995. №3. С. 197-200.

Бобомуллоев С. Раскопки погребального сооружения из Зардчахаалифы // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Серия: востоковедение, история, филология. Душанбе, 1993. №3 (27). С. 56-62.

Бобомуллоев С. Раскопки гробницы бронзового века на Верхнем Зеравшане // Stratum plus. №2. СПб., Кишинев, Одесса, 1999. С. 307-313.

Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. М.: Мысль, 1983. 206 с.

Бороффка Н. Некоторые культурные и социальные взаимосвязи в бронзовом веке Евразии // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. / Ред. Д.Г. Зданович и др. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1999. С. 80-81.

Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника (публикация результатов археологических раскопок 1988 года) // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: Труды музея-заповедника Аркаим / Ред. тома А.Д. Таиров. Челябинск: ТО «Каменный пояс», 1996. С. 22-42.

Бочкарев В.С. Погребения литейщиков эпохи бронзы (методологический пересмотр) // Проблемы археологии. Вып. 2 / Отв. ред. А.Д. Столяр. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. С. 48-53.

Бочкарев В.С. Развитие общества и прогресс вооружения (по материалам поры поздней бронзы юга Восточной Европы) // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа / Ред. Б.А. Аракелян и др. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1982. С. 19-22.

Бочкарев В.С. Волго-Уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте / Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: ИИМК РАН СССР, 1991. С. 24-27.

Бочкарев В.С. Карпато-Дунайский и Волго-Уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы (опыт сравнительной характеристики) // Конвергенция и дивергенция в развитии культур

⁵² К таковым отнесены, прежде всего, кремневые резец, сверло и развертка [Аванесова, 2010. С. 352].

⁵³ Авторы считают приятным долгом поблагодарить своих коллег – Н.В. Панасюк, П.Ф. Кузнецова, А.П. Медведева, А.М. Скоробогатова, А.Н. Голотвина за помощь, оказанную ими при написании этой работы.

эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы / Отв. ред. В.С. Бочкарев. СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 18-29.

Бочкарев В.С. О некоторых характерных чертах эпохи бронзы Восточной Европы // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Кн. 2 / Ред. В.А. Алёшкин и др. СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. С. 13-24.

Бочкарев В.С., Кузнецов П.Ф. Желобчатые псалии эпохи поздней бронзы евразийских степей // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии / Гл. ред. П.Ф. Кузнецов. Екатеринбург, Самара, Донецк: ИЭРиЖ УрО РАН, 2010. С. 292-343.

Бочкарев В.С., Кузнецов П.Ф. Основные этапы развития щитковых псалиев Северной Евразии // Процесс культуруогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии) / Отв. ред. П.Ф. Кузнецов. Самара: ПГСГА, 2014. С. 5-10.

Бочкарев В.С., Кузьмина Е.Е., Кузнецов П.Ф., Усачук А.Н. Основные итоги изучения возникновения и распространения колесничества // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии / Гл. ред. П.Ф. Кузнецов. Екатеринбург, Самара, Донецк: ИЭРиЖ УрО РАН, 2010. С. 344-345.

Василенко А.И. Про роль кінних колісниць у війнах II тис. до н.е. // Вісник Східноукраїнського національного університету. №4(38). Луганськ: СНУ, 2001. С. 62-79.

Васильев И.Б. Абашевские памятники Куйбышевского Заволжья // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Вып. V: Научные труды КГПИ. Т. 160 / Отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: КГПИ, 1975. С. 3-13.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Погребения знати эпохи бронзы в Среднем Поволжье // Археологические вести. Вып. 1. СПб., 1992. С. 52-63.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: Самарский университет, 1994. 208 с.

Васюткин С.М., Горбунов В.С., Пшеничнюк А.Х. Курганные могильники Южной Башкирии эпохи бронзы // Бронзовый век Южного Приуралья / Отв. ред. М.Ф. Косарев. Уфа: Изд-во БФАН, 1985. С. 67-88.

Винников А.З., Синюк А.Т. По дорогам минувших столетий: Археология о древней истории Воронежского края / Земля Воронежская. Страницы истории. Воронеж: Центрально-Черноземное книж. изд-во, 1990. 319 с.

Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века. Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челя-

бинск: Южно-Уральское книж. изд-во, 2003. 362 с.

Волков В.А. Памятники покровского типа в системе «культур боевых колесниц» // Археология та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження. Т. 4 / Відп. ред. О.В. Колесник (част. перша), І.І. Мартинчук (част. друга). Донецьк: ДонНУ, 2004. С. 35-37.

Гамолин А.А. К вопросу о колеснице как знаке социального статуса (по материалам синташтинского археологического комплекса) // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий (Материалы XLI Региональной археолого-этнографической студенческой конференции) / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 223-225.

Генинг В.В. Об использовании боевых колесниц степным населением Евразии в эпоху бронзы // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.) / Отв. ред. Е.В. Яровой. Киев: Киевская книжная типография научной книги, 1991. С. 11-112.

Генинг В.Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА. 1977. №4. С. 53-73.

Генинг В.Ф., Ашихмина Л.И. Могильник эпохи бронзы на р. Синташта // Археологические открытия 1974 г. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1975. С. 144-147.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 1992. 408 с.

Голотвин А.Н., Пряхин А.Д. Комплекс захоронений доно-волжской абашевской культуры Второго Липецкого кургана // Процесс культуруогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии) / Отв. ред. П.Ф. Кузнецов. Самара: ПГСГА, 2014. С. 25-31.

Гончарова Ю.В. Некоторые аспекты интерпретации погребений с дисковидными псалиями в степной и лесостепной зонах Евразии // Stratum plus. №2. СПб., Кишинев, Одесса, 1999. С. 336-349.

Григорьев С.А. Бронзовый век // Древняя история Южного Зауралья. Т. I. Каменный век. Эпоха бронзы / Отв. ред. Н.О. Иванова. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. С. 241-442.

Григорьев С.А. Основные этапы и проблемы культуруогенеза // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культуруогенеза) / Ред.

С.Г. Боталов и др. Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей», 2006. С. 188-224.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [в 4-х томах]. Т. 2. И-О. М.: Русский язык, 1979. 779 с.

Дашковский П.К., Карымова С.М. Вещь в традиционной культуре народов Центральной Азии: философско-культурологическое исследование. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2012. 252 с.

Дей О. Весілля, записане 1845 року батьком Івана Нечуя-Левицького // Народна творчість та етнографія. 1972. №2. С. 85-99.

Денисов И.В. Могильники эпохи бронзы Обилькинского Луга близ Соль-Илецка // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. V / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2001. С. 38-48.

Дремов И.И. Погребение из кургана у с. Старицкое (Саратовская обл.) // КСИА. 1991. №203. С. 101-105.

Дремов И.И. Материалы из курганов у с. Березовка Энгельсовского района и некоторые вопросы социокультурных реконструкций эпохи поздней бронзы // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып. 2 / Науч. ред. А.И. Юдин. Саратов: Ком-т по истор.-культ. наследию, 1997. С. 146-165.

Дремов И.И. Региональные различия престижных погребений эпохи бронзы (особенности покровской группы) // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Вып. 5 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2003. С. 72-93.

Епимахов А.В. Курганный могильник Солнце II – некрополь укрепленного поселения Устье эпохи средней бронзы // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала / Труды музея-заповедника Аркаим. / Ред. тома А.Д. Таиров. Челябинск: ТО «Каменный пояс», 1996. С. 22-42.

Епимахов А.В. Погребальная обрядность населения Южного Зауралья эпохи средней бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1998. 38 с.

Епимахов А.В. Могильник эпохи бронзы Солончанка IА и вопрос интерпретации одиночных синташтинских курганов // Псалнии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности / Археологический альманах. №15 / Отв. ред. А.Н. Усачук. Донецк: ДОКМ, 2004. С. 99-102.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам

могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск: Челябинский дом печати, 2005. 192 с.

Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Абашевская культура в Поволжье // МИА. 1961. №97. С. 43-110.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1988. 181 с.

Зданович Д.Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск: Специализир. природ.-ландшафт. и ист.-археол. центр «Аркаим», Челяб. гос. ун-т, 1997. 94 с.

Зданович Д.Г. Изделия из камня, кости, дерева в погребениях кургана 25 Большекараганского могильника // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн. 1 / Науч. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. С. 144-158.

Зеленева Ю.А., Юдин А.И. Курган у села Дубовый Гай // Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам исследований в 2005-2006 гг.) / Ред. А.И. Юдин. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2010. С. 134-155.

Зудина В.Н. Археологические древности Южного Средневожья (пособие – путеводитель). Самара: изд-во «Самарский Университет», 1998. 123 с.

Иванова С.В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк, 2001. 244 с.

Ильюков Л.С. Погребения литейщиков эпохи средней бронзы из Северо-Восточного Приазовья // СА. 1986. №2. С. 226-231.

Ильюков Л.С. Кто осаждал Ливенцовско-Каратаевскую крепость в низовьях Дона? // КСИА. 2013. Вып. 231. С. 21-28.

Исмагил Р., Морозов Ю.А., Чаплыгин М.С. Николаевские курганы («Елена») на реке Стерля в Башкортостане. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2009. 240 с.

Йеттмар К. Религии Гиндукуша. М.: Наука, 1986. 526 с.

Казарницкий А.А. Новые краниологические материалы из Липецкого кургана №2 (к вопросу о формировании степного и лесостепного населения Восточной Европы в эпохи средней и поздней бронзы) // Записки ИИМК РАН. СПб., 2012. №7. С. 74-87.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2008. №9. С. 32-58.

- Калиева С.С., Логвин В.Н.* Погребение 20 могильника Бестамак // «Кадырбаевские чтения – 2012» / Науч. ред. А.А. Бисембаев. Актобе: ГККП «Актюб. центр ист., этнограф. и археологии», 2012. С. 77-82.
- Кинжалов Р.В.* Символика «плексиса» в мифе, обряде, изобразительном искусстве древности и в современном фольклоре // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры / Отв. ред. Б.Н. Путилов. Л.: Наука, 1990. С. 82-88.
- Клейн Л.С.* Археологическое исследование: Методика кабинетной работы археолога. Кн. 2. Донецк: ДонНУ, 2013. 599 с.
- Клюшинцев В.Н.* Погребение литейщика на реке Ингулец // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Источники, проблемы исследования / Отв. ред. С.Н. Братченко, О.Г. Шапошникова. Киев: ИА АН Украины, 1991. С. 254-261.
- Кожин П.М.* Колесничные сюжеты в наскальном искусстве Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Монголии / Отв. ред. А.П. Деревянко, Ш. Нацагдорж. Новосибирск: Наука, 1987. С. 109-126.
- Кожин П.М.* Этнокультурные контакты населения Евразии в энеолите – раннем железном веке (палеокультурология и колесный транспорт). Владивосток: Дальнаука, 2007. 428 с.
- Колтухов С.Г., Кислый А.Е., Тоцев Г.Н.* Курганные древности Крыма (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1991-1992 гг.). Запорожье: Днепровский металлург, 1994. 122 с.
- Кони, колесницы и колесничие степей Евразии / Гл. ред. П.Ф. Кузнецов. Екатеринбург; Самара; Донецк: ИЭРиЖ УрО РАН, 2010. 370 с.
- Короглы Х.Г.* Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана. М.: Наука, 1983. 336 с.
- Коцева Й.* Дівчина-світлячок або болгарські жіночі чарвні казки // Народна творчість та етнографія / Гол. ред. Г. Скрипник. 2008. №2. С. 73-80.
- Кочерженко О.В.* Курганы эпохи поздней бронзы у пос. Сторожевка // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году / Науч. ред. А.И. Юдин. Саратов: Дирекция охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры, 1996. С. 53-56.
- Кузнецов П.Ф.* Время появления колесниц эпохи бронзы в Восточной Европе // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Спец. выпуск «Актуальные проблемы гуманитарных наук» / Гл. ред. В.П. Шорин. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2005. С. 179-185.
- Кузнецов П.Ф., Семенова А.П.* Памятники потаповского типа // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Гл. ред. П.С. Кабытов. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2000. С. 122-151.
- Кузьмина Е.Е.* Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей // ВДИ. 1974. №4. С. 68-87.
- Кузьмина Е.Е.* Новые данные о распространении колесниц в Евразии и расселении индоиранцев // Древность: историческое знание и специфика источника. М.: Когелет, 2000. С. 72-75.
- Кукушкин И.А.* Основы социальной организации андроновских племен // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье) / Отв. ред. В.В. Бобров. Кемерово: ООО «Компания Радуга», 2003. С. 52-56.
- Кукушкин И.А.* Археологические исследования могильника Ащису. Курган 1 // Историко-культурное наследие Сары-Арки / Отв. ред. В.Г. Ломан. Караганда: Караганд. обл. гос. инспекция по охр. ист.-культ. наследия, 2007. С. 40-63.
- Кукушкин И.А., Ломан В.Г.* Краткие итоги исследований элитных курганов эпохи бронзы Центрального Казахстана // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, А.Г. Ситдилов. Казань: Отечество, 2014. С. 584-587.
- Лашин А.С.* Памятники раннего и среднего этапов эпохи поздней бронзы Волго-Донского региона (по материалам погребальных памятников): дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.06. Волгоград, 2006. 312 с.
- Латынин Б.А.* Архаические круглые псалии с шипами // Новое в советской археологии / МИА. №130. М., 1965. С. 201-204.
- Лесков А.М.* Древнейшие роговые псалии из Трахтемирова // СА. 1964. №1. С. 299-303.
- Литвиненко Р.О.* До проблеми псаліїв, бойових колісниць і воїнів-колісничих у бабінській культурі // Археологія. 2005. №4. С. 37-52.
- Логвин А.В., Шевнина А.В.* Элитное погребение синташтинско-петровского времени с могильника Бестамак // VII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова / Отв. ред. С.Ф. Татауров, И.В. Толпеко. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2008. С. 190-197.
- Лопатин В.А.* Элементы социоструктуры позднепервобытных индоиранских обществ Центральной Евразии // Поволжский край. Археология, история, источниковедение Поволжья.

Вып. 12 / Отв. ред. В.Н. Данилов. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2005. С. 22-33.

Лопатин В.А. Бородаевские курганы (по раскопкам 1982 года на Малом Карамане) // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 7 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Научная книга, 2009. С. 44-97.

Лопатин В.А., Четвериков С.И. Исследование курганного могильника «Мессер V» на севере Волго-Донского междуречья // Археологическое наследие Саратовского края / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2007. С. 23-49.

Ляхов С.В. Курганный могильник к востоку от пос. Сторожовка // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IX / Гл. ред. А.Б. Белинский. Ставрополь: Наследие, 2009. С. 131-146.

Малов Е.М. Развитие кардочесальной машины для хлопка // Труды Института истории естествознания и техники. Т. 21. История машиностроения / Гл. ред. Н.А. Фигуровский. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 342-353.

Малов Н.М. Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Вып. 5 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2003. С. 157-219.

Малов Н.М. Погребение покровской культуры с фрагментами щитковых псалиев из Тарумовского индивидуального кургана №2 // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 9 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 2012. С. 74-90.

Массон В.М. Древние цивилизации Востока и степные племена в свете данных археологии // *Stratum plus*. №2. СПб., Кишинев, Одесса, 1999. С. 265-285.

Матвеев Ю.П. Воинские погребения эпохи средней бронзы // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.) / Отв. ред. Е.В. Яровой. Киев: Киевская книжная типография научной книги, 1991. С. 117-119.

Матвеев Ю.П. О векторе распространения «колесничных» культур эпохи бронзы // РА. 2005. №3. С. 5-15.

Матвеев Ю.П., Пряхин А.Д. Погребения воинов-колесничих на территории лесостепного Подонья и периодизация памятников эпохи бронзы Доно-Волжско-Уральской лесостепи // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы / Отв. ред. В.С. Бочкарев. СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 76-78.

Матвеев Ю.П., Сафонов И.Е., Добрынин А.В. Исследование кургана эпохи бронзы в могильнике Красный 1 // Пастушеские скотоводы Восточноевропейской степи и лесостепи эпохи бронзы (историография, публикации) / Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 19 / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: ВГУ, 2005. С. 139-147.

Матюхин А.Д. Погребение с псалиями из Саратовского Правобережья // Древности Волго-Донских степей. Вып. 6 / Науч. ред. В.И. Мамонтов. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1998. С. 60-63.

Мельников Е.Н. Покровско-абашевские погребения кургана у с. Большая Плавица // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие / Ред. кол. В.С. Бочкарев и др. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 239-247.

Мендельсон Н. К поверьям о св. Касьяне // Этнографическое обозрение. 1897. Кн. XXXII. №1. С. 1-21.

Михайлов Ю.И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 363 с.

Михайлова О.В., Кузьмина О.В. Новые памятники эпохи бронзы в Самарском Поволжье // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. Вып. 1 / Ред. кол. О.В. Зубова и др. Самара: СОИМК им. П.В. Алабина, 1999. С. 98-141.

Моисеев А.А. К вопросу о колесницах эпохи бронзы евразийской степи-лесостепи (происхождение, назначение, значение) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I / Ред. О.И. Богуславский и др. СПб., М., Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. С. 248-249.

Моисеев Н.Б. Социально-значимые погребения средней и поздней бронзы (по материалам раскопок в Тамбовской области) // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. / Предс. оргком. А.И. Бессуднов. Липецк: ЛГПИ, 1992. С. 134-135.

Моисеев Н.Б. Курганы Окско-Донской равнины. Памятники Тамбовской области. Тамбов: Компьютерный центр, 1998. 63 с.

Моисеев Н.Б. Реконструкция лучкового сверла эпохи бронзы (на основе материалов Селезневских курганов доно-волжской абашевской культуры) // Археологические памятники Восточной Европы / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: ВГПУ, 2002. С. 85-90.

Моисеев Н.Б., Ефимов К.Ю. Пичаевский курган // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.) / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: Изд-во СамГПУ, 1995. С. 72-81.

Мыськов Е.П., Кияшко А.В., Литвиненко Р.А., Усачук А.Н. Погребение колесничего из бассейна Дона // Псалии. Элементы упряжи и

конского снаряжения в древности / Археологический альманах. №15 / Отв. ред. А.Н. Усачук. Донецк: ДОКМ, 2004. С. 128-138.

Нелин Д.В. К проблеме сложения варны воинов-колесничих (по материалам Южного Зауралья) // Историко-археологические изыскания. Вып. 3 / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 51-60.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М.: Наука, 1989. 383 с.

Новоженков В.А. Распространение колесного транспорта: модель «кочевой» прародины // Таинство этнической истории древнейших народов степной Евразии / Гл. ред. А.В. Епимахов. Алматы: Остров Крым, 2014. С. 47-125.

Отроценко В.В. Клейноды зрубного суспільства // Археологія. 1993. №1. С. 101-109.

Отроценко В.В. Древности Степного Причерноморья и Крыма // ДСПК. Т. V / Отв. ред. Г.Н. Тошев. Запорожье: ЗГУ, 1995. С. 192-195.

Отроценко В.В. О функции костяных лопатковидных наконечников // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии / Предс. оргком. А.Д. Пряхин. Тамбов: ТГУ, 1996. С. 7-9.

Отроценко В.В. Чотирикамерні склепи синташтинської доби // Археологія. 1997. №3. С. 66-71.

Отроценко В.В. Феномен кістяних пряжок // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК) / Отв. ред. Г.Н. Тошев. Запорожье: ЗГУ, 1998. С. 113-117.

Отроценко В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). Київ: ІА НАН України, 2001. 288 с.

Отроценко В.В. Історія племен зрубної спільності: автореф. дис. ... докт. іст. наук. Київ, 2002. 33 с.

Отроценко В.В. Колісничі бабинської культури в графічному та рельєфному відтворенні // МДАСУ. №4 / Гол. ред. С.М. Санжаров. Луганськ: Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2005. С. 235-242.

Отроценко В. Полеміка стосовно західного вектора руху колісничих // Записки наукового товариства імені Шевченка. Т. ССЛІІІ. Праці археологічної комісії / Ред. О. Купчинський. Львів: Вид-во Наук. тов-ва ім. Шевченка, 2007. С. 206-214.

Отроценко В.В. К дискуссии о векторах движения колесничих в эпоху бронзы // Археология восточноевропейской лесостепи / Отв.

ред. И.Е. Сафонов. Воронеж: Изд.-полиграф. центр ВГУ, 2009. С. 66-72.

Отроценко В.В. Герой чи заробітчанин? // Магістеріум. Вип. 53. Археологічні студії / Ред. Л.Л. Залізняк та ін. Київ.: НаУКМА, 2013. С. 18-21.

Отроценко В.В., Черных Л.А. Стрела как орудия труда и атрибуты власти // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы / Ред. В.Я. Кияшко и др. Ростов-на-Дону: VII ДАК, 1998. С. 59-60.

Панковський В.Б. Кістяна і рогова індустрія доби пізньої бронзи в Північному Причорномор'ї: Дис. ... канд. іст. наук: 07.00.04. Київ, 2012. 596 с.

Післарій І.О. Про ткацтво в добу міді – бронзи та раннього заліза // Археологія. 1982. Вип. 38. С. 70-81.

Плешаков А.А., Мартынюк О.И., Баев А.В. Могильник эпохи бронзы Баганаты III. Петропавловск: СКГУ им М. Козыбаева, 2005. 82 с.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Погребение срубной культуры из Комсомольского (Астраханская область): некоторые аспекты осмысления // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия / Отв. ред. Д.П. Васильев. Астрахань: АГУ, 2010. С. 107-116.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Исчезнувшие верования и позабытые герои (кожевенный инструментарий в ритуалах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 12 / Отв. ред. И.В. Бруяко. Одесса: «Печатный дом»; «Фаворит», 2011а. С. 86-124.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Погребения с орудиями кожевенного производства в степных культурах эпохи бронзы // Қазақстан археологиявының мәселері. 3-ші ш. / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2011б. С. 279-297.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Серпы эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии: вопросы семантики // Тәуелсіздік кезеңіндегі Қазақстан археологиясы: қорытындылары мен келешегі. Т. I / Бас. ред. Б.Ә. Байтанаев. Алматы: Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2011в. С. 286-306.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Культ кабана в степной и лесостепной Евразии во II – начале I тыс. до н.э. // Далалық Еуразияның бегазы-дәндібай мәдениеті. Ж. Құрманқұловтың 65 жылдық мерейтойына арналған ғылыми мақалалар жинағы / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ТОО НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2013а. С. 453-484.

- Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В.* Манипуляции в столбовых ямах (культуры эпохи бронзы Азии и Восточной Европы) // Теория и практика археологических исследований. №1(7) / Гл. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2013б. С. 33-48.
- Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В.* Копыта животных в обрядах культур степной и лесостепной Евразии эпохи бронзы // «Марғұлан окулары – 2014»: Академик Ә.Х. Марғұланның 110-жылдығына арналған халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалдары / Бас. ред. Б.Ә. Байтанаев. Алматы, Павлодар: Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, ПМПИ, 2014. С. 88-96.
- Подобед В.А., Цимиданов В.В.* Погребения с шильями и иглами в культурах Восточной Европы эпохи поздней бронзы и предскифского времени (степь и лесостепь) // ДАЗ 2009/2010. №13/14 / Гол. ред. Р.О. Литвиненко. Донецьк: ДонНУ, 2010. С. 98-120.
- Происхождение и распространение колесничества. Сборник научных трудов. Сост. А.И. Василенко. Луганск: Глобус, 2008. 319 с.
- Пряхин А.Д.* Курганы поздней бронзы у с. Староюрьево // СА. 1972. №3. С. 233-243.
- Пряхин А.Д.* Погребальные абашевские памятники. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1977. 168 с.
- Пряхин А.Д.* К оценке престижных захоронений волго-донской абашевской культуры кургана Селезни-2 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №1. С. 81-87.
- Пряхин А.Д.* Древние скотоводы эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи и цивилизационный процесс // Горизонты антропологии: Труды Междунар. науч. конф. памяти академика В.П. Алексеева / Отв. ред. Т.И. Алексеева. М.: Наука, 2003. С. 212-217.
- Пряхин А.Д., Беседин В.И.* Хронологическая и культурная интерпретация дисковидных псалий с шипами из Нижнего Поволжья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения П.Д. Рау / Науч. ред. А.И. Юдин. Саратов: Изд-во СГПИ, 1997. С. 79-81.
- Пряхин А.Д., Беседин В.И.* Конская узда периода средней бронзы в Восточноевропейской лесостепи и степи // РА. 1998. №3. С. 22-34.
- Пряхин А.Д., Беседин В.И.* Конская узда периода средней бронзы в Восточноевропейской лесостепи и степи // Доно-Волжская абашевская культура / Науч. ред. В.И. Молодин. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 33-63.
- Пряхин А.Д., Беседин В.И., Левых Г.А., Матвеев Ю.П.* Кондрашкинский курган. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989. 20 с.
- Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П.* Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1988. 209 с.
- Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П.* Курган у с. Богоявленское // СА. 1991. №1. С. 262-266.
- Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности / Археологический альманах. №15 / Отв. ред. А.Н. Усачук. Донецк: ДОКМ, 2004. 170 с.
- Рафикова Я.В.* Срубно-алакульский курган Селивановского II могильника из Южного Зауралья и проблема парных погребений эпохи бронзы // РА. 2008. №4. С. 72-83.
- Рейснер М.Л., Чалисова Н.Ю.* Персидская классическая лирика: к проблеме генезиса // Труды по культурной антропологии: памяти Григория Александровича Ткаченко / Сост. В.В. Глебкин. М.: Восточная литература; Муравей, 2002. С. 275-322.
- Рогудеев В.В.* Элитарные погребения катакомбной культуры и проблема катакомбного наследия в срубной культуре // Археологические записки. Вып. 1 / Ред. В.Я. Кияшко. Ростов-на-Дону: ДАО, 2000. С. 74-89.
- Ромашко В.А.* Новая находка дисковидного псалия в Присамарье // Регіональні і загальні в історії / Ред.-упор. В.М. Бекетова. Дніпропетровськ: Пороги, 1995. С. 64-65.
- Рыбалова В.Д.* Костяной псалий с поселения Каменка близ Керчи // СА. 1966. №4. С. 178-181.
- Рыкушина Г.В.* Антропологическая характеристика населения эпохи бронзы Южного Урала по материалам могильника Кривое Озеро // Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Южно-Уральское книж. изд-во, 2003. С. 345-360.
- Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н.* Костяные псалии с поселения Токсабай. К вопросу о комплексе колесничих населения Устюрта в эпоху бронзы // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. №1 / Бас. ред. М.Н. Сдыков. Уральск, 2007. С. 87-102.
- Санжаров С.Н.* О социальной значимости одной группы катакомбных погребений // Археология и краеведение – школе / Отв. ред. Д.С. Цвейбель. Донецк: ДонГУ, 1985. С. 17-18.
- Санжаров С.Н., Супрун А.В.* К вопросу о функциональном назначении костяных втульчатых изделий с лопатковидными наконечниками эпохи бронзы // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий / Науч. ред. С.Д. Крыжицкий. Донецк: «Східний видавничий дім», 2000. С. 85.

Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. 1959. №60. С. 39-205.

Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж: Изд-во Воронежского педуниверситета, 1996а. 350 с.

Синюк А.Т. К социологической интерпретации некоторых погребений эпохи бронзы // Доно-донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи. Материалы науч. конф. / Воронеж: ВГУ, 1996б. С. 9-11.

Синюк А.Т., Березуцкий В.Д., Зацепин А.А. Плясоватские курганы // Археологические памятники бассейна Дона / Отв. ред. А. Т. Синюк. Воронеж: ВГПУ, 2004. С. 162-177.

Синюк А.Т., Килейников В.В. Курганы у села Введенки на Дону // СА. 1976. №1. С. 159-169.

Синюк А.Т., Козмирчук И.А. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (по материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: Изд-во СамГПУ, 1995. С. 37-72.

Синюк А.Т., Погорелов В.И. Курганы №16 Власовского могильника // Погребальные памятники эпохи бронзы лесостепной Евразии / Отв. ред. В.С. Горбунов. Уфа: Изд-во БГПИ, 1993. С. 6-31.

Словник античної міфології. Киев: Наукова думка, 1989. 240 с.

Смирнов К.Ф. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей // СА. 1961. №1. С. 46-72.

Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977. 84 с.

Смирнов Ю.А. Погребения мастеров-изготовителей древков и кремневых наконечников стрел // Древности Дона / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1983. С. 164-187.

Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969. 336 с.

Сотникова С.В. К вопросу о возможных истоках индоиранского культа священного напитка Сомы/Хаомы (по материалам памятников синташтинского типа) // Теория и практика археологических исследований. №1(9) / Гл. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2014. С. 74-86.

Ткачев В.В. Погребальные комплексы с щитковыми псалиями в степном Приуралье // Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности / Археологический альманах. №15 / Отв. ред. А.Н. Усачук. Донецк, 2004. С. 7-30.

Ткачев В.В. Элитные погребения из могильника Жаман-Каргала I и проблема культурогене-

за начала позднего бронзового века в Урало-Казахстанских степях // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия 1. Исторические науки. Вып. 3. 2005. С. 50-74.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.

Топоров В.Н. Вишвакарман // Мифы народов мира. Т. 1 / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская Энциклопедия, 1991. С. 237-238.

Усачук А.Н. Костяные орудия прядения срубной культуры // История и археология Слободской Украины. Тез. докл. Всеукраинской конф., посвящ. 90-летию XII Археологического съезда / Гл. ред. В.К. Михеев. Харьков: ХГУ, 1992. С. 207-208.

Усачук А.Н. Каменноамбарские псалии (трасологический анализ) // А.В. Епимахов. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск: Челябинский дом печати, 2005. С. 179-189.

Усачук А.Н. Трасологический анализ костяных и роговых изделий из некоторых курганов Саратовского Поволжья // Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам исследований в 2005-2006 гг.) / Ред. А.И. Юдин. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2010а. С. 248-265.

Усачук А.Н. Трасологический анализ роговой втулки из раннесрубного погребения // МДА-СУ. Вип. 10. Луганськ: Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2010б. С. 183-199.

Усачук А.Н. Древнейшие псалии (изготовление и использование). Киев; Донецк: ИА НАН Украины, 2013. 304 с.

Усачук А.Н. Костяные и роговые «лопаточки»: поиски предназначения // Қазақстан археологиясы мен этнологиясы: өткені, бүгінгі және болашағы атты «VII Оразбаев окулары» халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары / Жауапты ред. А.Б. Қалыш. Алматы: Қазақ университеті, 2015. С. 134-138.

Усачук А.Н., Литвиненко Р.А. Орудия прядения и ткачества в памятниках срубной общности // Текстиль эпохи бронзы евразийских степей. Тр. ГИМ. Вып. 109 / Отв. ред. Н.И. Шишлина. М., 1999. С. 204-216.

Усачук А.Н., Литвиненко Р.А. Костяные орудия прядения и ткачества на Синташте // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы междунар. науч. конф. / Ред. кол. В.С. Бочкарев и др. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 163-166.

- Усачук А.Н., Ляхов С.В. Пара псалиев из Саратовского Поволжья // ДАС. 2006. Вып. 12. С. 103-110.
- Усачук А.Н., Чаплыгин М.С. Псалии из кургана возле Стерлитамака // Археология восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. И.Е. Сафонов. Воронеж: Изд.-полиграф. центр ВГУ, 2009. С. 73-89.
- Федоров В.К. Одиссей на Южном Урале? (об одном свидетельстве возможного использования растительных галлюциногенов в уральских культурах эпохи средней бронзы) // Вестник ВЭГУ. 2007. №31/32. История. С. 182-187.
- Филиппова Е.Е. Погребальные петроглифы Среднего Енисея и их место в идеологических представлениях карасукских племен // Археологический сборник. Погребальный обряд. Труды ГИМ. Вып. 93 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М., 1997. С. 62-70.
- Халяпин М.В., Порохова О.И. Погребальные комплексы эпохи бронзы у с. Красноселки в Самарском Поволжье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. IV / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ООО «Оренбургская губерния», 2000. С. 109-126.
- Цимиданов В.В. Гребни и орудия прядения в погребениях срубной культуры // Древности / Гл. ред. В.И. Кадеев. Харьков: АО «Бизнес Информ», 1995. С. 34-39.
- Цимиданов В.В. Еще раз о колесницах степной Евразии эпохи поздней бронзы // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Ч. I / Гл. ред. В.Н. Горбов. Донецк: Изд-во ДонГУ, 1996. С. 126-128.
- Цимиданов В.В. Веретено в обрядах населения срубной культуры // Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей. Труды ГИМ. Вып. 109 / Отв. ред. Н.И. Шишлина. М., 1999. С. 224-227.
- Цимиданов В.В. Астргалы в погребениях степных культур эпохи поздней бронзы и раннего железа // Археологический альманах. №10 / Гл. ред. А.В. Колесник. Донецк: ООО «Лебедь», 2001. С. 215-248.
- Цимиданов В.В. Социальная структура срубного общества. Донецк: Институт археологии НАН Украины, 2004. 204 с.
- Цимиданов В.В. Социальная дифференциация в срубном обществе Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 9 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Полиграфия Поволжья, 2009. С. 52-73.
- Цимиданов В.В. Камень яда и некоторые «тексты» культур степной и лесостепной Евразии эпохи бронзы // «Кадырбаевские чтения – 2014». Материалы IV Междунар. науч. конф. / Ред. А.А. Бисембаев. Астана: «Мега принт», 2014. С. 115-122.
- Чабан І. Весілля на Сокальщині // Весілля. Кн. 2 / Упор. текстів М.М. Шубравської. Київ: Наукова думка, 1970. С. 125-182.
- Чаусидис Н. Барабан і «складне оро» – аналіз міфо-символічного й обрядового значення // Народна творчість та етнографія. 2009. №3. С. 68-79.
- Чередниченко Н.Н. Основные этапы развития конской узды Евразии в середине II – начале I тыс. до н.э. // Новейшие открытия советской археологии. Ч. 1 / Отв. ред. В.Д. Баран. Киев: ИА АН УССР, 1975. С. 79-80.
- Чередниченко Н.Н. Колесницы Евразии эпохи поздней бронзы // Энеолит и бронзовый век Украины / Ред. кол. С.С. Березанская и др. Киев: Наукова думка, 1976. С. 135-150.
- Черленок Е.А. О расположении псалиев в погребениях Потаповского и Утевского могильников // Альманах молодых археологов. Сборник студенческого археологического общества / Науч. ред. И.Л. Тихонов. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2004. С. 54-59.
- Черных Е.Н. Каргалы. Т. V. Каргалы: феномен и парадоксы развития. Каргалы в системе металлургических провинций. Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. М.: Языки славянской культуры, 2007. 200 с.
- Черных Л.А., Плешивенко А.Г. Погребение литейщика катакомбной культуры у с. Васильевка // Хозяйство древнего населения Украины. Ремесла и промыслы древнего населения Украины / Ред. Ю.Д. Кибальник. Киев: Музей. об-ние «Киево-Печер. гос. ист.-культур. заповедник», 1995. С. 243-257.
- Чечушков И.В. Некоторые вопросы коневодства эпохи бронзы // Материалы XXXIV Урало-Поволжской археологической студенческой конф., Ульяновск, 31 янв. – 2 февр. 2002 г. Ульяновск: Ульян. гос. пед. ун-т, 2002. С. 60-62.
- Чечушков И.В. Колесницы евразийских степей эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. №2(15). С. 57-65.
- Чечушков И.В., Епимахов А.В. Колесничий комплекс Урало-Казахстанских степей // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии / Гл. ред. П.Ф. Кузнецов. Екатеринбург; Самара; Донецк: ИЭРиЖ УрО РАН, 2010. С. 182-195.
- Широкова М.А. О роговых псалиях из с. Глядянское Курганской области // Археология и этнография азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы). Материалы XLIX Региональной археолого-этнографической студенческой конференции / Отв. ред. Л.Н. Ер-

моленко, О.С. Советова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. С. 117-118.

Шкунаев С.В. Комментарии // Предания и мифы средневековой Ирландии / Ред. Г.К. Косиков. М.: Изд-во Московского ун-та, 1991. С. 249-278.

Юдин А.И. Изменение погребального обряда как отражение социальных процессов в первобытном обществе срубной культуры на примере новых памятников // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VIII / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2007. С. 142-149.

Юдин А.И., Матюхин А.Д. Социальная структура раннесрубного общества по материалам могильников Кочетное и Золотая Гора // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 6 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2005. С. 36-50.

Юдин А.И., Матюхин А.Д. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное. Саратов: Научная книга, 2006. 116 с.

Юдин А.И., Матюхин А.Д., Захариков А.П., Касанкин Г.И. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное и проблемы формирования срубной культуры Нижнего Поволжья // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году / Науч. ред. А.И. Юдин. Саратов: Дирекция охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры, 1996. С. 119-139.

Яблонский Л.Т., Хохлов А.А. Новые краниологические материалы эпохи бронзы Самарского Заволжья // Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семёнова А.П. Потаповский курганный могильник

индоиранских племен на Волге. Самара: Самарский университет, 1994. С. 186-205.

Anthony D.W., Vinogradov N.B. Birth of the chariot // Archaeology. An official publication of the Archaeological Institute of America / Ed.-in-Chief P.A. Young. 1995. Vol. 48. N.2. P. 36-41.

Boroffka N. Bronze – und früheisenzeitliche Geweihtrensenknebel aus Rumänien und ihre Beziehungen. Alte Funge aus dem Museum für Geschichte Aiud, Teil II // Eurasia Antiqua. Zeitschrift für archäologie Eurasiens. B. 4. Mainz, 1998. S. 81-135.

Hüttel H.-G. Altbronzezeitliche Pferdetranssen. Ein Beitrag zur Geschichte des 16. Jahrhunderts v.Chr. // Jahresbericht des Instituts für Vorgeschichte der Universität Frankfurt a. M. Frankfurt am Main, 1978. S. 65-86.

Hüttel H.-G. Bronzezeitliche Transen in Mittel- und Osteuropa. Grundzüge ihrer Entwicklung. Prähistorische Bronzefunde. Abt. XVI. B. 2. München, 1981. 259 s.

Lal B.B. The Indo-Aryan hypothesis vis-à-vis Indian archeology // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.) / Ред. М.С. Анисимов и др. М.: Наука, 1981. С. 280-294.

Littauer M.A., Crowell J. Evidence for Horse Bits from Shaft Grave IV at Mycenae // Prähistorische Zeitschrift. 48. Berlin, 1973. P. 207-213.

Littauer M.A., Crowell J.H. The origin of the true chariot // Antiquity. 1996. Vol. 70. № 270. P. 934-939.

Piggott S. Bronze Age chariot burials in the Urals // Antiquity. 1975. XLIX. P. 289-290.

REFERENCES

Avanesova N.A. Novyie materialyi epohi bronzyi Zerafshanskoy dolinyi [New materials from the Bronze Age Zerafshan Valley] / mas'ul muharrir t.f.d. T.S. Shirinov // Uzbekistonda arheologik tadkikotlar 2001-yil. Toshkent: Abdulla Kodiriy nomidagi halk merosi nashriyoti, 2002. S. 20-25.

Avanesova N.A. Zerafshanskaya kulturnaya provintsiya Baktriysko-Margianskoy tsivilizatsii [Zerafshan cultural province of Bactria-Marghiana civilization] / Red. P.M. Kozhin i dr. // Na puti otkryitiya tsivilizatsii / Trudyi Margianskoy arheologicheskoy ekspeditsii. SPb.: Aleteyya, 2010. S. 334-364.

Afrikanov Y.A. Arheologicheskie pamyatniki u st. Burovka, s. Novo-Yablonovka i s. Dubovyyi Gay [Archaeological sites near the station Burovka, village Novo-Yablonovka and near the village Dubovyyi Gay] / Red. A.I. Yudin // Arheologicheskie pamyatniki Saratovskogo Pravoberezhya: ot ranney bronzyi do srednevekovya (po materialam issledovaniy v 2005-2006 gg.). Saratov: Izd-vo «Nauchnaya kniga», 2010a. S. 119-155.

vaniy v 2005-2006 gg.). Saratov: Izd-vo «Nauchnaya kniga», 2010a. S. 119-155.

Afrikanov Y.A. Kurganyi epohi bronzyi u raz'ezda Suvorovskiy [Burial mounds from the Bronze Age at the junction Suvorovsky] / Red. A.I. Yudin // Arheologicheskie pamyatniki Saratovskogo Pravoberezhya: ot ranney bronzyi do srednevekovya (po materialam issledovaniy v 2005-2006 gg.). Saratov: Izd-vo «Nauchnaya kniga», 2010b. S. 7-15.

Bagautdinov R.S. Otchet o raskopkakh kurgannyih grupp Uren I, II, IV v Staro-Maynskom rayone Ulyanovskoy oblasti po otkrytomu listu №446 v 1992 g. [The report on the excavations of burial groups Uren I, II, IV in Staro-Mayna district of the Ulyanovsk region on the open sheet № 446 in 1992] // Arhiv IA RAN. P-1, №18322.

Berezanskaya S.S. Kultura mnogovalikovoy keramiki [The Multiroller Ceramics Culture] // Berezanskaya S.S., Otroschenko V.V., Cherednichen-

ko N.N., Sharafutdinova I.N. Kulturyi epohi bronzyi na territorii Ukrainyi. Kiev: Naukova dumka, 1986. S. 5-43.

Berezanska S.S., Lyashko S.M. Vivchennya remesla za virobnychimi kompleksami z pam'yatok dobi bronzi [Study on craft production complex of monuments from the Bronze Age] // *Arheologiya*. 1989. №3. S. 18-30.

Berseneva N.A. O podhodah k izucheniyu militarizatsii sintashtinskogo obschestva [On approaches to the study of militarization of the Syntashta society] // *KSIA*. 2013. V. 231. S. 36-43.

Besedin V.I. O hronologii Pepkinskogo kurgana [Concerning the Chronology of Pepkinsky Barrow] // *RA*. 1995. №3. S. 197-200.

Bobomulloev S. Raskopki pogrebalnogo sooruzheniya iz Zardchahalifyi [Excavation of the burial structure Zardchahalifyi] // *Izvestiya Akademii nauk Respubliki Tadzhikistan. Seriya: vostokovedenie, istoriya, filologiya*. №3 (27). Dushanbe, 1993. S. 56-62.

Bobomulloev S. Raskopki grobnitsyi bronzovogo veka na Verhnem Zeravshane [Excavating the tomb of the Bronze age on the Upper Zarafshan] // *Stratum plus*. №2. SPb., Kishinev, Odessa, 1999. S. 307-313.

Bongard-Levin G.M., Grantovskiy E.A. Ot Skifii do Indii. [From Scythia to India]. M.: Myisl, 1983. 206 s.

Boroffka N. Nekotoryie kulturnye i sotsialnye vzaimosvyazi v bronzovom veke Evrazii [Some cultural and social relations in the Bronze Age Eurasia] / Red. D.G. Zdanovich i dr. // *Kompleksnyie obschestva Tsentralnoy Evrazii v III-I tyis. do n.e.* Chelyabinsk: Chelyab. gos. un-t, 1999. S. 80-81.

Botalov S.G., Grigorev S.A., Zdanovich G.B. Pogrebalnyie kompleksy epohi bronzyi Bolshekaraganskogo mogilnika (publikatsiya rezultatov arheologicheskikh raskopok 1988 goda) [Funerary complex of the Bronze Age burial site Bolshekaragan (publication of the results of archaeological excavations in 1988)] / Red. toma A.D. Tairov // *Materialy po arheologii i etnografii Yuzhnogo Urala / Trudyi muzeya-zapovednika Arkaim*. Chelyabinsk: TO «Kamennyiy poyas», 1996. S. 22-42.

Bochkarev V.S. Pogrebeniya liteyschikov epohi bronzyi (metodologicheskii peresmotr) [Burials of the Bronze Age foundry men (methodological revision)] / *Otv. red. A.D. Stolyar* // *Problemyi arheologii*. V. 2. L.: Izd-vo LGU, 1978. S. 48-53.

Bochkarev V.S. Razvitie obschestva i progress vooruzheniya (po materialam poryi pozdney bronzyi yuga Vostochnoy Evropyi) [The development of society and the progress of weapons (based on the Late Bronze Age, south of Eastern Europe)] / *Red. B.A. Arakelyan i dr.* // *Kulturnyyi progress v*

epohu bronzyi i rannego zheleza. Erevan: Izd-vo AN ArmSSR, 1982. S. 19-22.

Bochkarev V.S. Volgo-Uralskiy ochag kulturogeneza epohi pozdney bronzyi [Volga-Ural centers of cultural genesis the Late Bronze Age] / *Otv. red. V.M. Masson* // *Sotsiogenez i kulturogenez v istoricheskom aspekte*. SPb.: IIMK RAN SSSR, 1991. S. 24-27.

Bochkarev V.S. Karpato-Dunayskiy i Volgo-Uralskiy ochagi kulturogeneza epohi bronzyi (opyit sravnitelnoy karakteristiki) [Carpathian-Danube and the Volga-Ural centers of cultural genesis of the Bronze Age (experience of comparative characteristics)] // *Konvergentsiya i divergentsiya v razvitiu kultur epohi eneolita – bronzyi Sredney i Vostochnoy Evropyi* / *Otv. red. V.S. Bochkarev*. SPb.: IIMK RAN, 1995. S. 18-29.

Bochkarev V.S. O nekotoryih harakternyih chertah epohi bronzyi Vostochnoy Evropyi [On some traits characteristic of the Bronze Age of East Europe] / *Red. V.A. Alyokshin i dr.* // *Kulturyi stepnoy Evrazii i ih vzaimodeystvie s drevnimi tsivilizatsiyami*. Kn. 2. SPb.: IIMK RAN, «Periferiya», 2012. S. 13-24.

Bochkarev V.S., Kuznetsov P.F. Zhelobchatyie psalii epohi pozdney bronzyi evraziyskikh stepey [Grooved cheek pieces from the Eurasian steppes of the late Bronze Age] / *Gl. red. P.F. Kuznetsov* // *Koni, kolesnitsyi i kolesnichie stepey Evrazii*. Ekaterinburg, Samara, Donetsk: IERiZh UrO RAN, 2010. S. 292-343.

Bochkarev V.S., Kuznetsov P.F. Osnovnyie etapyi razvitiya schitkovyih psaliev Severnoy Evrazii [Main stages of the development of shield cheek piece in Northern Eurasia] // *Protseess kulturogeneza nachalnoy poryi pozdnego bronzovogo veka Volgo-Uralskogo regiona (voprosy hronologii, periodizatsii, istoriografii)* / *Otv. red. P.F. Kuznetsov*. Samara: PGSGA, 2014. S. 5-10.

Bochkarev V.S., Kuzmina E.E., Kuznetsov P.F., Usachuk A.N. Osnovnyie itogi izucheniya vozniknoveniya i rasprostraneniya kolesnichestva [The main results of studying the occurrence and spread of chariot culture] // *Koni, kolesnitsyi i kolesnichie stepey Evrazii* / *Gl. red. P.F. Kuznetsov*. Ekaterinburg, Samara, Donetsk: IERiZh UrO RAN, 2010. S. 344-345.

Vasilenko A.I. Pro rol' kinnih kolisnits u viynah II tis.do n.e. [The role of chariots in wars of II millennium BC] // *Visnik Shidnoukrayinskogo natsionalnogo universitetu*. №4(38). Lugansk: SNU, 2001. S. 62-79.

Vasilev I.B. Abashevskie pamyatniki Kuybyshhevskogo Zavolzhyia [The Abashevo monuments of Kuibyshev Trans Volga area] // *Iz istorii Srednego Povolzhya i Priuralya*. Vyip. V: Nauchnyie trudyi

KGPI. T. 160 / Otv. red. S.G. Basin. Kuybyishev, 1975. S. 3-13.

Vasilev I.B., Kuznetsov P.F., Semenova A.P. Pogrebeniya znati epohi bronzji v Srednem Povolzhe [Burials of Nobility in the Volga Region during the Bronze Age] // *Arheologicheskie vesti*. V. 1. SPb., 1992. S. 52-63.

Vasilev I.B., Kuznetsov P.F., Semenova A.P. Potapovskiy kurgannyiy mogilnik indoiranskih plemen na Volge [The Potapov burial mound of Indo-Iranian tribes on the Volga]. Samara: Samarskiy universitet, 1994. 208 s.

Vasyutkin S.M., Gorbunov V.S., Pshenichnyuk A.H. Kurgannyie mogilniki Yuzhnoy Bashkirii epohi bronzji [Burial mounds from the Bronze Age of South Bashkiria] // *Bronzovyy vek Yuzhnogo Priuralya* / Otv. red. M.F. Kosarev. Ufa: Izd-vo BFAN, 1985. S. 67-88.

Vinnikov A.Z., Sinyuk A.T. Po dorogam minuvshih stoletiy. Arheologiya o drevney istorii Voronezhskogo kraja [On the roads of the past centuries. Archaeology of the ancient history of the Voronezh kraj] / *Zemlya Voronezhskaya. Stranitsyi istorii*. Voronezh: Tsentralno-Chernozemnoe knizh. izd-vo, 1990. 319 s.

Vinogradov N.B. Mogilnik bronzovogo veka Krivoje Ozero v Yuzhnom Zaurale [Bronze Age Cemetery Krivoje Ozero in the South TransUrals]. Chelyabinsk: Yuzhno-Uralskoe knizh. izd-vo, 2003. 362 s.

Volkov V.A. Pamyatniki pokrovskogo tipa v sisteme «kultur boevyih kolesnits» [Monuments of Pokrovka type in the «culture of war chariots» system] / *VIdp. red. O.V. Kolesnik (chast. persha), I.I. Martinchuk (chast. druga)* // *Arheologiya ta etnologiya Shidnoyi Evropi: materialy i doslidzheniya*. T. 4. Donetsk, 2004. S. 35-37.

Gamolin A.A. K voprosu o kolesnitse kak znake sotsialnogo statusa (po materialam sintashtinskogo arheologicheskogo kompleksa) [To the question of a chariot as a mark of social status (based on the Sintashta archaeological complex)] // *Istoriko-kulturnoe nasledie Severnoy Azii: Itogi i perspektivy izucheniya na rubezhe tyisyacheletiy (Materialy XLI Regionalnoy arheologo-etnograficheskoy studencheskoy konferentsii)* / Otv. red. A.A. Tishkin. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2001. S. 223-225.

Gening V.V. Ob ispolzovanii boevyih kolesnits stepnyim naseleniem Evrazii v epohu bronzji [On the use of war chariots by Eurasian steppe population in the Bronze Age] // *Drevneyshie obschnosti zemledeltsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ya (V tyis. do n.e. – V v. n.e.)* / Otv. red. E.V. Yarovoy. Kiev: Kievskaya knizhnaya tipografija nauchnoj knigi, 1991. S. 11-112.

Gening V.F. Mogilnik Sintashta i problema rannih indoiranskih plemen [Burial Sintashta and

the problem of early Indo-Iranian tribes] // *SA*. 1977. №4. S. 53-73.

Gening V.F., Ashihmina L.I. Mogilnik epohi bronzji na r. Sintashta [Burial of the Bronze Age on the river Sintashta] // *Arheologicheskie otkrytiya* 1974 g. / Otv. red. B.A. Ryibakov. M.: Nauka, 1975. S. 144-147.

Gening V.F., Zdanovich G.B., Gening V.V. Sintashta. Arheologicheskie pamyatniki ariyskih plemen Uralo-Kazahstanskih stepey [Sintashta. Archaeological Sites of Aryan Tribes of the Ural-Kazakhstan Steppes]. Chelyabinsk: Yuzhno-Uralskoe knizhnoe izd-vo, 1992. 408 s.

Golotvin A.N., Pryahin A.D. Kompleks zahoroneniya dono-volzhskey abashevskoy kultury i Vtorogo Lipetskogo kurgana [The complex of graves of the Don-Volga Abashevo culture in Second Lipetsk kurgan] // *Protsess kulturogeneza nachalnoy poryi pozdnego bronzovogo veka Volgo-Uralskogo regiona (voprosy hronologii, periodizatsii, istoriografii)* / Otv. red. P.F. Kuznetsov. Samara: PGSGA, 2014. S. 25-31.

Goncharova J.V. Nekotoryie aspekty interpretatsii pogrebeniy s diskovidnyimi psaliyami v stepnoy i lesostepnoy zonah Evrazii [Some aspects of the interpretation of burials with disk cheek-pieces on the steppe and forest-steppe territory of Eurasia] // *Stratum plus*. №2. SPb., Kishinev, Odessa, 1999. S. 336-349.

Grigor'ev S.A. Bronzovyy vek [The Bronze Age] // *Drevnyaya istoriya Yuzhnogo Zauralya T. I. Kamennyiy vek. Epoha bronzji* / Otv. red. N.O. Ivanova. Chelyabinsk: Izd-vo YUrGU, 2000. S. 241-442.

Grigor'ev S.A. Osnovnyie etapy i problemy kulturogeneza [The main stages and problems of cultural genesis] // *Arheologiya Yuzhnogo Urala. Step (problemy kulturogeneza)* / Red. S.G. Botalov i dr. Chelyabinsk: OOO TsIKR «Rifey», 2006. S. 188-224.

Dal' V.I. Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyika [Explanatory Dictionary of the Russian language] [v 4-h tomakh] T. 2. I-O. M.: Russkiy yazyik, 1979. 779 s.

Dashkovskiy P.K., Karyimova S.M. Vesch v traditsionnoy kulture narodov Tsentralnoy Azii: filosofsko-kulturologicheskoe issledovanie [The thing in the traditional culture of the peoples of Central Asia: philosophical and cultural studies]. Barnaul: Izd-vo Altayskogo un-ta, 2012. 252 s.

Dey O. Vesillya, zapisane 1845 roku batkom Ivana Nechuya-Levitskogo [Wedding, recorded in 1845 by father Ivan Nechui-Levitsky] // *Narodna tvorchist ta etnografiya*. 1972. №2. S. 85-99.

Denisov I.V. Mogilniki epohi bronzji Obilkinogo Luga bliz Sol-Iletska [Bronze Age burial grounds at Obilkin Lug near Sol-Iletsk] //

Arheologicheskie pamyatniki Orenburzhyia. Vyp. V / Otv. red. N.L. Morgunova. Orenburg: Izd-vo OGPU, 2001. S. 38-48.

Dremov I.I. Pogrebenie iz kurgana u s. Staritskoe (Saratovskaya obl.) [The burial mound near the village of Staritskoe (Saratov region)] // KSIA. 1991. №203. S. 101-105.

Dremov I.I. Materialy iz kurganov u s. Berezovka Engelsovskogo rayona i nekotoryye voprosy sotsiokulturnykh rekonstruktsiy epohi pozdney bronzy [Materials from the mounds near the village of Berezovka of Engels district and some issues of social and cultural reconstructions of the Late Bronze Age] // Arheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. Ohrana i issledovaniya v 1996 godu. Vyp. 2 / Nauch. red. A.I. Yudin. Saratov, 1997. S. 146-165.

Dremov I.I. Regionalnyie razlichiya prestizhnykh pogrebeniy epohi bronzy (osobennosti pokrovskoy gruppy) [Regional differences of prestigious Bronze Age burials (peculiarities of Pokrovsk Group)] // Arheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. Ohrana i issledovaniya v 2001 godu. Vyp. 5 / Otv. red. A.I. Yudin. Saratov: Nauchnaya kniga, 2003. S. 72-93.

Epimahov A.V. Kurgannyiy mogilnik Solntse II – nekropol ukreplennogo poseleniya Ust'e epohi sredney bronzy [Burial mound Solntse II – necropolis fortified settlement Ust'e of the Middle Bronze Age] // Materialy po arheologii i etnografii Yuzhnogo Urala / Trudy muzeya-zapovednika Arkaim / Red. toma A.D. Tairov. Chelyabinsk, 1996. S. 22-42.

Epimahov A.V. Pogrebalnaya obryadnost naseleniya Yuzhnogo Zauralya epohi sredney bronzy [The funeral rites of the population of the Southern TransUrals of the Middle Bronze Age]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Novosibirsk, 1998. 38 s.

Epimahov A.V. Mogilnik epohi bronzy Solonchanka IA i vopros interpretatsii odinochnykh sintashtinskiy kurganov [Burial of the Bronze Age Solonchanka IA and the question of interpretation of single mounds of Sintashta] // Psalii. Elementy upryazhi i konskogo snaryazheniya v drevnosti / Arheologicheskii almanah. №15 / Otv. red. A.N. Usachuk. Donetsk: DOKM, 2004. S. 99-102.

Epimahov A.V. Rannie kompleksnyie obschestva severa Tsentralnoy Evrazii (po materialam mogilnika Kamennyiy Ambar-5) [Early complex societies of the north of Central Eurasia (based on burial ground Kamennyiy Ambar-5)]. Kn. 1. Chelyabinsk: Cheljabinskij dom pečati, 2005. 192 s.

Efimenko P.P., Tretyakov P.N. Abashevskaya kultura v Povolzhe [The Abashevo culture in the Volga region] // MIA. 1961. №97. S. 43-110.

Zdanovich G.B. Bronzovyy vek Uralo-Kazhastanskiy stepy [The Bronze Age of Ural-Kazakhstan steppes]. Sverdlovsk: Izd-vo Uralskogo un-ta, 1988. 181 s.

Zdanovich D.G. Sintashtinskoe obschestvo: sotsialnyie osnovy «kvazigorodskoy» kulturyi Yuzhnogo Zauralya epohi sredney bronzy [The Sintashta society: social foundations of «quasi urban» culture of South Ural Middle Bronze Age]. Chelyabinsk: Specializir. prirod.-landshaft. i ist.-arheol. centr «Arkaim», Cheljab. gos. un-t, 1997. 94 s.

Zdanovich D.G. Izdeliya iz kamnya, kosti, dereva v pogrebeniyakh kurgana 25 Bolshekaraganskogo mogilnika [Stone, bone, and wooden artifacts in the burials of barrow 25 of the Bolshekaragansky burial ground] // Arkaim: nekropol (po materialam kurgana 25 Bolshekaraganskogo mogilnika). Kn. 1 / Nauch. red. G.B. Zdanovich. Chelyabinsk: Yuzh.-Ural. kn. izd-vo, 2002. S. 144-158.

Zelenev Y.A., Yudin A.I. Kurgan u sela Dubovyy Gay [Mound near the village of Dubovyy Gay] // Arheologicheskie pamyatniki Saratovskogo Pravoberezhya: ot ranney bronzy do srednevekovyia (po materialam issledovaniy v 2005-2006 gg.) / Red. A.I. Yudin Saratov: Izd-vo «Nauchnaya kniga», 2010. S. 134-155.

Zudina V.N. Arheologicheskie drevnosti Yuzhnogo Srednevolzhya (posobie – putevoditel) [Archaeological antiquities of South Middle Volga area (guide-manual)]. Samara: izd-vo «Samarskiy Universitet», 1998. 123 s.

Ivanova S.V. Sotsialnaya struktura naseleniya yamnoy kulturyi Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya [The social structure of the population of the Yamnaya culture of the Northwest Black Sea Littoral]. Odessa: Druk, 2001. 244 s.

Ilyukov L.S. Pogrebeniya liteyschikov epohi sredney bronzy iz Severo-Vostochnogo Priazov'ya [Burials of Smelters in the North-East of the Azov Region] // SA. 1986. №2. S. 226-231.

Ilyukov L.S. Kto osazhdal Liventsovsko-Karataevskuyu krepost v nizovyah Dona? [Who laid siege to the Liventsovsko-Karataevo fortress in the lower reaches of the Don?] // KSIA. 2013. Vyp. 231. S. 21-28.

Ismagil R., Morozov Y.A., Chaplyigin M.S. Nikolaevskie kurgany («Elena») na reke Sterlya v Bashkortostane [Nikolaev mounds («Helen») on the Sterlya river in Bashkortostan]. Ufa: DizajnPoligrafServis, 2009. 240 s.

Yettmar K. Religii Gindukusha [Religion Hindu Kush]. M.: Nauka, 1986. 526 s.

Kazarnitskiy A.A. Novyye kraniologicheskie materialy ih Lipetskogo kurgana №2 (k voprosu o formirovaniy stepnogo i lesostepnogo naseleniya Vostochnoy Evropyi v epohi sredney i pozdney

bronzyi) [New craniological materials from Lipetsk barrow №2 (to the question of the formation of the steppe and forest-steppe population of East Europe during the Middle and the Late Bronze Age)] // Zapiski IIMK RAN. SPb., 2012. №7. S. 74-87.

Kalieva S.S., Logvin V.N. Mogil'nik u poseleniya Bestamak (predvaritelnoe soobschenie) [Burial ground near Bestamak settlement (a preliminary report)] // Vestnik arheologii, antropologii i etnografii. №9. 2008. S. 32-58.

Kalieva S.S., Logvin V.N. Pogrebenie 20 mogilnika Bestamak [Grave No 20 of burial ground Bestamak] // «Kadyirbaevskie chteniya – 2012» / Nauch. red. A.A. Bisembaev. Aktobe: GKPP «Aktub. tsentr ist., etnograf. i arheologii», 2012. S. 77-82.

Kinzhalov R.V. Simvolika «pleksisa» v mife, obryade, izobrazitelnom iskusstve drevnosti i v sovremennom folklоре [Symbolics of «pleksisa» in myth, ritual, and fine arts in ancient and modern folklore] // Folklor i etnografiya. Problemyi rekonstruktsii faktov traditsionnoy kulturyi / Otv. red. B.N. Putilov. L.: Nauka, 1990. S. 82-88.

Kleyn L.S. Arheologicheskoe issledovanie: Metodika kabinetnoy raboty arheologa [Archaeological research: Methodology of archeologist's armchair work]. Kn. 2. Donetsk: DonNU, 2013. 599 s.

Klyushintsev V.N. Pogrebenie liteyschika na reke Ingulets [Burial of a caster on the river Ingulets] // Katakombnyie kulturyi Severnogo Prichernomor'ya. Istochniki, problemyi issledovaniya / Otv. red. S.N. Bratchenko, O.G. Shaposhnikova. Kiev: IAAN Ukrainyi, 1991. S. 254-261.

Kozhin P.M. Kolesnichnyie syuzhetyi v nasalnom iskusstve Tsentralnoy Azii [Chariot scenes in the rock art of Central Asia] // Arheologiya, etnografiya i antropologiya Mongolii / Otv. red. A.P. Derevyanko, S. Natsagdorz. Novosibirsk: Nauka, 1987. S. 109-126.

Kozhin P.M. Etnokulturnyie kontaktyi naseleeniya Evrazii v eneolite – rannem zheleznom veke (paleokulturologiya i kolesnyiy transport) [Ethno-cultural contacts of the population of Eurasia in the Neolithic-Early Iron Age (paleo-cultural studies and wheeled vehicles)]. Vladivostok: Dalnauka, 2007. 428 s.

Koltuhov S.G., Kislyiy A.E., Toshev G.N. Kurgannyie drevnosti Kryima (po materialam raskopok Severo-Kryimskoy ekspeditsii v 1991-1992 gg.) [Ancient artifacts from Crimean barrows (based on the excavation of the North-Crimean expedition in 1991-1992)]. Zaporozh'e: Dneprovskiy metallurg, 1994. 122 s.

Koni, kolesnitsyi i kolesnichie stepy Evrazii [Horses, chariots and chariot drivers of Eurasian

steppes] / Gl. red. P.F. Kuznetsov. Ekaterinburg; Samara; Donetsk: IERiZh UrO RAN, 2010. 370 s.

Koroglyi H.G. Vzaimosvyazi epasa narodov Sredney Azii, Irana i Azerbaydzhana [Relationships of the epic of peoples of Central Asia, Iran and Azerbaijan]. M.: Nauka, 1983. 336 s.

Kotseva Y. Divchina-svitlyachok abo bolgarski zhinochi charvni kazki [Girl-Firefly or Bulgarian women's magic tales] // Narodna tvorichist ta etnografiya / Gol. red. G. Skripnik. 2008. №2. S. 73-80.

Kocherzhenko O.V. Kurganyi epohi pozdney bronzyi u pos. Storozhevka [Mounds of the Late Bronze Age near the village Storozhevka] // Ohrana i issledovanie pamyatnikov arheologii Saratovskoy oblasti v 1995 godu / Nauch. red. A.I. Yudin. Saratov: Direktsiya ohranyi, restavratsii i ispolzovaniya pamyatnikov istorii i kulturyi, 1996. S. 53-56.

Kuznetsov P.F. Vremya poyavleniya kolesnits epohi bronzyi v Vostochnoy Evrope [Time of appearance of chariots of the Bronze Age in Eastern Europe] // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Spets. vyipusk «Aktualnyie problemyi gumanitarnyih nauk» / Gl. red. V.P. Shorin. Samara: Izd-vo Samarskogo nauchnogo centra RAN, 2005. S. 179-185.

Kuznetsov P.F., Semenova A.P. Pamyatniki potapovskogo tipa [Monuments of the Potapov type] // Istoriya Samarskogo Povolzhya s drevneyshih vremen do nashih dney. Bronzovyy vek / Gl. red. P.S. Kabytov. Samara: Izd-vo Samarskogo nauchnogo tsentra RAN, 2000. S. 122-151.

Kuzmina E.E. Kolesnyiy transport i problema etnicheskoy i sotsialnoy istorii drevnego naseleniya yuzhnorusskikh stepy [Wheeled vehicles and the problem of ethnic and social history of the ancient inhabitants of the southern Russian steppes] // VDI. 1974. №4. S. 68-87.

Kuzmina E.E. Novyye dannyye o rasprostraneni kolesnits v Evrazii i rasselenii indoirantsev [New data on the distribution of chariots in Eurasia and the resettlement of Indo-Iranians] // Drevnost: istoricheskoe znanie i spetsifika istochnika. M.: Kogel, 2000. S. 72-75.

Kukushkin I.A. Osnovnyie sotsialnoy organizatsii andronovskikh plemen [Fundamentals of social organization of Andronovo tribes] // Sotsialno-demograficheskie protsessyi na territorii Sibiri (drevnost i srednevekove) / Otv. red. V.V. Bobrov. Kemerovo: OOO «Kompaniya Raduga», 2003. S. 52-56.

Kukushkin I.A. Arheologicheskoe issledovanie mogil'nika Aschisu. Kurgan 1 [Archaeological research of burial Ashchisu. Mound 1] // Istoriko-kulturnoe nasledie Saryi-Arki / Otv. red. V.G. Loman. Karaganda: Karagand. obl. gos. inspektsiya po ohr. ist.-kult. naslediya, 2007. S. 40-63.

Kukushkin I.A., Loman V.G. Kratkie itogi issledovaniy elitnyih kurganov epohi bronzyi Tsen-

tralnogo Kazahstana [Summary of Studies of elite burial mounds from the Bronze Age of Central Kazakhstan] // Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arheologicheskogo s'ezda v Kazani. T. I / Otv. red. A.P. Derevyanko, N.A. Makarov, A.G. Sitdikov. Kazan: Otechestvo, 2014. S. 584-587.

Lapshin A.S. Pamyatniki rannego i srednego etapov epohi pozdney bronzyi Volgo-Donskogo regiona (po materialam pogrebalnykh pamyatnikov) [Sites of the early and middle stages of the Late Bronze Age of the Volga-Don region (based on burial sites)]: dissertatsiya ... kand. ist. nauk. Volgograd, 2006. 312 s.

Latvinin B.A. Arhaicheskie kruglyie psalii s shipami [Archaic round cheek-pieces with studs] // Novoe v sovetskoy arheologii / MIA. №130. M., 1965. S. 201-204.

Leskov A.M. Drevneyshie rogovyie psalii iz Trahtemirova [The oldest horny cheek-pieces from Trakhtemyrov] // SA. 1964. №1. S. 299-303.

Litvinenko R.O. Do problemi psaliyiv, boyovih kolisnits i voyiniv-kolisnichih u babinskiy kulturi [To the problem of psalia, chariots and charioteers in the Babynska culture] // Arheologiya. 2005. №4. S. 37-52.

Logvin A.V., Shevnina A.V. Elitnoe pogrebenie sintashtinsko-petrovskogo vremeni s mogilnika Bestamak [Elite burial of Sintashta-Peter's time from burial Bestamak] // VII istoricheskie chteniya pamyati Mihaila Petrovicha Gryaznova / Otv. red. S.F. Tataurov, I.V. Tolpeko. Omsk: Izd-vo Omskogo gos. un-ta, 2008. S. 190-197.

Lopatin V.A. Elementy sotsiostrukturyi pozdnepervobyitnykh indoiranskikh obschestv Tsentralnoy Evrazii [Elements of the social structure of the late primitive Indo-Iranian societies of Central Eurasia] // Povolzhskiy kray. Arheologiya, istoriya, istochnikovedenie Povolzhya. Vyip. 12 / Otv. red. V.N. Danilov. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 2005. S. 22-33.

Lopatin V.A. Borodaevskie kurganyi (po raspokkam 1982 goda na Malom Karamane) [Borodaevsky mounds (the excavations in 1982 on the Malyy Karaman)] // Arheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi. V. 7 / Otv. red. V.A. Lopatin. Saratov: Nauchnaya kniga, 2009. S. 44-97.

Lopatin V.A., Chetverikov S.I. Issledovanie kurgannogo mogilnika «Messer V» na severe Volgo-Donskogo mezhdurechya [Investigation of burial mound «Messer V» in the north of the Volga-Don interfluvium] // Arheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraya / Otv. red. A.I. Yudin. Saratov: Nauchnaya kniga, 2007. S. 23-49.

Lyahov S.V. Kurgannyiy mogilnik k vostoku ot pos. Storozhovka [A Burial mound to the east of the village Storozhevka] // Materialy po izucheniyu istoriko-kulturnogo naslediya Severnogo Ka-

vkaza. Vyip. IX / Gl. red. A.B. Belinskij. Stavropol: Nasledie, 2009. S. 131-146.

Malov E.M. Razvitie kardochesalnoy mashinyi dlya hlopka [Development of the carding machine for cotton] // Trudy Instituta istorii estestvoznaniya i tehniki. T. 21. Istoriya mashinostroeniya / Gl. red. N.A. Figurovskij. M.: Izd-vo AN SSSR, 1959. S. 342-353.

Malov N.M. Pogrebeniya pokrovskoy kulturyi s nakonechnikami kopiy iz Saratovskogo Povolzhya [Burials of Pokrovsk culture with spearheads from the Saratov Volga region] // Arheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraya. Ohrana i issledovaniya v 2001 godu. Vyip. 5 / Otv. red. A.I. Yudin. Saratov: Nauchnaya kniga, 2003. S. 157-219.

Malov N.M. Pogrebenie pokrovskoy kulturyi s fragmentami schitkovykh psaliy iz Tarumovskogo individualnogo kurgana №2 [Burial of Pokrovsk culture with fragments of cheekpieces from Tarumovsk individual mound №2] // Arheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi. Vyip. 9 / Otv. red. V.A. Lopatin Saratov: Izd-vo Saratovskogo gos. un-ta, 2012. S. 74-90.

Masson V.M. Drevnie tsivilizatsii Vostoka i stepnyie plemena v svete dannykh arheologii [Bronze age civilizations of the East and archeology of the Eurasian steppes] // Stratum plus. №2. SPb., Kishinev, Odessa, 1999. S. 265-285.

Matveev Y.P. Voinskie pogrebeniya epohi sredney bronzyi [Military burials of Middle Bronze Age] // Drevneyshie obschnosti zemledeltsev i skotovodov Severnogo Prichernomorya (V tyis. do n.e. – V v. n.e.) / Otv. red. E.V. Yarovoj. Kiev: Kievskaya knizhnaya tipografiya nauchnoy knigi, 1991. S. 117-119.

Matveev Y.P. O vektore rasprostraneniya «kolesnichnykh» kultur epohi bronzyi [Concerning the direction of spreading of the Bronze Age «chariot cultures»] // RA. 2005. №3. S. 5-15.

Matveev Y.P., Pryahin A.D. Pogrebeniya voynov-kolesnichnykh na territorii lesostepnogo Podonya i periodizatsiya pamyatnikov epohi bronzyi Dono-Volzhsko-Uralskoy lesostepi [Burials of warriors-chariot drivers on the territory of the forest-steppe Don reaches and periodization of Bronze Age sites of the Don-Volga-Ural forest-steppe] // Konvergentsiya i divergentsiya v razvitii kultur epohi eneolita – bronzyi Sredney i Vostochnoy Evropyi / Otv. red. V.S. Bochkarev. SPb.: IIMK RAN, 1995. S. 76-78.

Matveev Y.P., Safonov I.E., Dobryinin A.V. Issledovanie kurgana epohi bronzyi v mogilnike Krasnyiy 1 [Study of the Bronze Age in Krasnyiy 1 cemetery] // Pastusheskie skotovodyi Vostochnoevropeyskoy stepi i lesostepi epohi bronzyi (istoriografiya, publikatsii) / Arheologiya Vostochnoevropeyskoy lesos-

- stepi. Vyip. 19 / Otv. red. A.D. Pryahin. Voronezh: VGU, 2005. S. 139-147.
- Matyuhin A.D.* Pogrebenie s psaliyami iz Saratovskogo Pravoberezhya [Burial with cheek-pieces of the Saratov Right bank Volga] // *Drevnosti Volgo-Donskih stepey*. Vyip. 6 / Nauch. red. V.I. Mamontov. Volgograd: Izd-vo VolGU, 1998. S. 60-63.
- Melnikov E.N.* Pokrovsko-abashevskie pogrebeniya kurgana u s. Bolshaya Plavitsa [Pokrovka-Abashevo kurgan burials near the village of Bolshaya Plavitsa] // *Abashevskaya kulturno-istoricheskaya obschnost: istoki, razvitie, nasledie* / Red. kol. V.S. Bochkarev i dr. Cheboksary: ChGIGN, 2003. S. 239-247.
- Mendelson N.* K poveriyam o sv. Kasyane [Legends of the holy Kasyan] // *Jetnograficheskoe obozrenie*. Kn. XXXII. №1. M., 1897. S. 1-21.
- Mihaylov Y.I.* Mirovozzrenie drevnih obschestv yuga Zapadnoy Sibiri (epoha bronzii) [World of ancient societies of the south of Western Siberia (the Bronze Age)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2001. 363 s.
- Mihaylova O.V., Kuzmina O.V.* Novyie pamyatniki epohi bronzii v Samarskom Povolzhe [New monuments of the Bronze Age in the Samara Volga region] // *Ohrana i izuchenie pamyatnikov istorii i kulturyi v Samarskoy oblasti*. Vyip. 1 / Red. kol. O.V. Zubova i dr. Samara: SOIKM im. P.V. Alabina, 1999. S. 98-141.
- Moiseev A.A.* K voprosu o kolesnitsah epohi bronzii evraziyskoy stepi-lesostepi (proishozhdenie, naznachenie, znachenie) [On the question of the chariots of the Bronze Age of Eurasian steppe, forest-steppe (origin, purpose, value)] // *Trudy III (XIX) Vserossiyskogo arheologicheskogo s'ezda. T. I* / Red. O.I. Boguslavskij i dr. SPb., M., Velikiy Novgorod: IIMK RAN, 2011. S. 248-249.
- Moiseev N.B.* Sotsialno-znachimyye pogrebeniya sredney i pozdney bronzii (po materialam raspok v Tambovskoy oblasti) [Socially significant burials of the middle and late Bronze Age (based on excavations in the Tambov region)] // *Teoriya i metodika issledovaniy arheologicheskikh pamyatnikov lesostepnoy zonyi*. / Preds. orgkom. A.I. Bessudnov. Lipetsk: LGPI, 1992. S. 134-135.
- Moiseev N.B.* Kurganyi Oksko-Donskoy ravniny. Pamyatniki Tambovskoy oblasti [Mounds of the Oka-Don plain. Monuments of Tambov region]. Tambov: Komp'yuternyy centr, 1998. 63 s.
- Moiseev N.B.* Rekonstruktsiya luchkovogo sverla epohi bronzii (na osnove materialov Seleznevskikh kurganov dono-volzhskoy abashevskoy kulturyi) [Reconstruction of bow drill of the Bronze Age (based on materials of Seleznevskaya barrows of the Don-Volga Abashevo culture)] // *Arheologicheskie pamyatniki Vostochnoy Evropy* / Otv. red. A.T. Sinyuk. Voronezh: VGPU, 2002. S. 85-90.
- Moiseev N.B., Efimov K.Y.* Pichaeveskiy kurgan [The Pichaeveskiy mound] // *Drevnie indoiranskije kulturyi Volgo-Uralya (II tyis. do n.e.)* / Otv. red. I.B. Vasil'ev. Samara: Izd-vo SamGPU, 1995. S. 72-81.
- Myiskov E.P., Kiyashko A.V., Litvinenko R.A., Usachuk A.N.* Pogrebenie kolesnichego iz basseyna Dona [Burial of a charioteer from the Don basin] // *Psalii. Elementyi upryazhi i konskogo snaryazheniya v drevnosti* / *Arheologicheskij almanah* / Otv. red. A.N. Usachuk. №15. Donetsk: DOKM, 2004. S. 128-138.
- Nelin D.V.* K probleme slozheniya varnykh voynov-kolesnichih (po materialam Yuzhnogo Zauralya) [On the problem of the formation of Varna of warrior horsemen (based on South Trans Urals)] // *Istoriko-arheologicheskie izyiskaniya*. Vyip. 3 / Otv. red. A.A. Vybornov. Samara: Izd-vo SamGPU, 1999. S. 51-60.
- Novgorodova E.A.* Drevnyaya Mongoliya [Ancient Mongolia]. M.: Nauka, 1989. 383 s.
- Novozhenov V.A.* Rasprostranenie kolesnogo transporta: model «kochevoy» prarodinyi [Distribution of wheeled vehicles: a model of «nomadic» ancestral home] // *Tainstvo etnicheskoy istorii drevneyshih nomadov stepnoy Evrazii* / Gl. red. A.V. Epimahov. Almaty: Ostrov Kryim, 2014. S. 47-125.
- Otroschenko V.V.* Kleynodi zrubnogo suspilstva [Insignia of Timber-Grave society] // *Arheologiya*. 1993. №1. S. 101-109.
- Otroschenko V.V.* Drevnosti Stepnogo Prichernomorya i Kryima [Antiquities Steppe of Black Sea area and the Crimea] // *DSPK. T. V* / Otv. red. G.N. Toshchev. Zaporozhe: ZGU, 1995. S. 192-195.
- Otroschenko V.V.* O funktsii kostyanykh lopatkovidnykh navershiy [About functions of bone finials in the form of blades] // *Abashevskaya kulturno-istoricheskaya obschnost v sisteme drevnostey epohi bronzii stepi i lesostepi Evrazii* / Preds. orgkom. A.D. Pryahin. Tambov: TGU, 1996. S. 7-9.
- Otroschenko V.V.* Chotirikamerni sklepi sintashtinskoyi dobi [Four-chambers of Sintashta time] // *Arheologiya*. 1997. №3. S. 66-71.
- Otroschenko V.V.* Fenomen kistyanykh pryazhok [The phenomenon of bone buckles] // *Problemy izucheniya katakombnoy kulturno-istoricheskoy obschnosti (KKIO) i kulturno-istoricheskoy obschnosti mnogovalikovoy keramiki (KIOMK)* / Otv. red. G.N. Toshchev. Zaporozhe: ZGU, 1998. S. 113-117.
- Otroschenko V.V.* Problemi periodizatsiyi kultur serednoy ta piznoy bronzii pivdnaya Shidnoy Evropy (kulturno-stratigrafichni zistavlennya) [Problems periodization cultures middle and late Bronze South

Eastern Europe (cultural and stratigraphic comparison)]. Kiev: IANAN Ukrayini, 2001. 288 s.

Otroschenko V.V. Istoriya plemen zrubnoyi spilnosti [History of tribes of the Timber-Grave community]: avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk. Kiev, 2002. 33 s.

Otroschenko V.V. Kolisnitsi babinskoyi kul'turi v grafichnomu ta relefnomu vidtvorenni [The chariots of the Babinskaya Culture in graphic and relief display] // MDASU. №4 / Gol. red. S.M. Sanzharov. Lugansk: Vid-vo SNU im. V. Dalya, 2005. S. 235-242.

Otroschenko V. Polemika stosovno zahidnogo vektora ruhu kolisnichnih [The controversy regarding Western motion vector charioteers] // Zapiski naukovogo tovaristva imenii Shevchenka. T. CCLIII. Pratsi arheologichnoyi komisiyi / Red. O. Kupchinskij. Lviv: Vid-vo Nauk. tov-va im. Shevchenka, 2007. S. 206-214.

Otroschenko V.V. K diskussii o vektorah dvizheniya kolesnichnih v epohu bronzyi [Discussion on the motion vectors of chariots in the Bronze Age] // Arheologiya vostochnoevropskoy lesostepi / Otv. red. I.E. Safonov. Voronezh: Izd.-poligraf. tsentr VGU, 2009. S. 66-72.

Otroschenko V.V. Geroy chi zarobitchanin? [Hero or migrant worker?] // Magisterium. Vyip. 53. Arheologichni studiyi / Red. L.L. Zaliznyak ta in. Kiev: NaUKMA, 2013. S. 18-21.

Otroschenko V.V., Chernyih L.A. Strekala kak orudiya truda i atributyi vlasti [Goads as working tools and attributes of power] // Problemyi arheologii Yugo-Vostochnoy Evropyi / Red. V.Y. Kiyashko i dr. Rostov-na-Donu: VII DAK, 1998. S. 59-60.

Pankovskiy V.B. Kistyana i rogova industriyi dobi piznoyi bronzi v Pivnichnomu Prichornomor'yi [Bone, and horn industries of the Late Bronze Age in the North Pontic area]: Dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.04.. Kiev, 2012. 596 s.

Pislarly I.O. Pro tkatstvo v dobu midi – bronzi ta rannogo zaliza [On weaving of the Copper – Bronze and early Iron ages] // Arheologiya. 1982. Vyip. 38. S. 70-81.

Pleshakov A.A., Martyinyuk O.I., Baev A.V. Mogilnik epohi bronzyi Baganaty III [Bronze era burial Baganaty III]. Petropavlovsk: SKGU im M. Kozyibaeva, 2005. 82 s.

Podobed V.A., Usachuk A.N., Tsimidanov V.V. Pogrebeniye sрубnoy kul'turyi iz Komsomol'skogo (Astrakhanskaya oblast'): nekotoryie aspektyi osmyslyeniya [A Timber-Grave culture burial from Komsomol'skoye (Astrakhan region): some aspects of comprehension] // Arheologiya Nizhnego Povolzhya: problemyi, poiski, otkryitiya / Otv. red. D.P. Vasil'ev. Astrahan': AGU, 2010. S. 107-116.

Podobed V.A., Usachuk A.N., Tsimidanov V.V. Ischeznuvshie verovaniya i pozabyitye geroi

(kozhevennyiy instrumentariy v ritualah epohi bronzyi stepnoy i lesostepnoy Evrazii) [The lost beliefs and forgotten heroes (tanning tools in the rituals of the Bronze epoch in the steppe and forest steppe Eurasia)] // Materialyi po arheologii Severnogo Prichernomor'ya. Vyip. 12 / Otv. red. I.V. Bruyako. Odessa: «Pechatnyiy dom»; «Favorit», 2011a. S. 86-124.

Podobed V.A., Usachuk A.N., Tsimidanov V.V. Pogrebeniya s orudiyami kozhevennogo proizvodstva v stepnyih kul'turah epohi bronzyi [Burials with tools of tanning manufacture in steppe cultures of the Bronze Age] // Qazaqstan arheologi'yavi'ni'n ma'seleri. 3-shi sh. / Otv. red. A.Z. Bejsenov. Almati': Institut arheologii im. A.H. Margulana, 2011b. S. 279-297.

Podobed V.A., Usachuk A.N., Tsimidanov V.V. Serpyi epohi bronzyi stepnoy i lesostepnoy Evrazii: voprosyi semantiki [Bronze Age Sickles of steppe and forest steppe of Eurasia: issues of semantics] // Ta'welsizdiq kezengindegi Qazaqstan arheologi'yavi': qori'ti'ndi'lari' men keleshegi. T. I / Bas. red. B.Ə. Bajtanaev. Almati': Institut arheologii im. A.H. Margulana, 2011b. S. 286-306.

Podobed V.A., Usachuk A.N., Tsimidanov V.V. Kult kabana v stepnoj i lesostepnoj Evrazii vo II – nachale I tys. do n.e. [Cult of the wild boar in the steppe and forest-steppe Eurasia in the IInd – the early Ist mill. BC] // Dalali'q Ewrazi'yaning beghazi'da'ndibay ma'deni'eti. J. Kurmankulovti'ng 65 ji'ldi'q mereytoyi'na arnalghan ghi'li'mi'' maqalalar ji'naghi' / Otv. red. A.Z. Bejsenov. Almati': TOO NITsIA «Begazyi-Tasmola», 2013a. S. 453-484.

Podobed V.A., Usachuk A.N., Tsimidanov V.V. Manipulyacii v stolbovyx yamax (kul'tury epoxy bronzy Azii i Vostochnoy Evropy) [Manipulation in columnholes (cultures of Bronze Age of Asia and Eastern Europe)] // Teoriya i praktika arxeologicheskix issledovaniy. №1(7) / Gl. red. A.A. Tishkin. Barnaul: Izd-vo Altajskogo gos. un-ta, 2013b. S. 33-48.

Podobed V.A., Usachuk A.N., Tsimidanov V.V. Kopyta zhivotnyx v obryadax kul'tur stepnoj i lesostepnoj Evrazii epoxi bronzyi [The hooves of animals in cultural ceremonies of steppe and forest steppe of Eurasia from the Bronze Age] // «Marghulan oqqlari' – 2014»: Akademik A'.H. Marghulanni'ng 110-ji'ldi'ghi'na arnalghan hali'qarali'q ghi'li'mi''-prakti'kali'q konferenci'ya materi'aldari' / Bas. red. B.Ə. Bajtanaev. Almati', Pavlodar: Institut arheologii im. A.H. Margulana, PMPI, 2014. S. 88-96.

Podobed V.A., Tsimidanov V.V. Pogrebeniya s shilyami i iglami v kul'turah Vostochnoy Evropyi epohi pozdney bronzyi i predskifskogo vremeni (step i lesostep) [Burials with awls and needles in the Eastern Europe's cultures of the Late Bronze Age and pre-Scythian time (steppe and forest-steppe)] //

DAZ 2009/2010. №13/14 / Gol. red. R.O. Litvinenko. Donetsk: DonNU, 2010. S. 98-120.

Poishozhdenie i rasprostranenie kolesnichestva [The origin and spread of chariots]. Sbornic nauchnih trudov. Sost. A.I. Vasilenko. Lugansk: Globus, 2008. 319 s.

Pryahin A.D. Kurganyi pozdney bronzyi u s. Staroyurevo [Mounds of the Late Bronze Age near the village Staroyurevo] // SA. 1972. №3. S. 233-243.

Pryahin A.D. Pogrebalnyie abashevskie pamyatniki [Funerary Abashevo monuments]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 1977. 168 s.

Pryahin A.D. K otsenke prestizhnyih zahoroneniy volgo-donskoy abashevskoy kulturyi kurgana Selezni-2 [Estimating the prestigious burials of the Volga-Don Abashevo culture mound Selezni-2] // Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. 2000. №1. S. 81-87.

Pryahin A.D. Drevnie skotovodyi epohi bronzyi Evraziyskoy stepi i lesostepi i tsivilizatsionnyiy protsess [Ancient Bronze Age herdsman of Eurasian steppe and forest-steppe and civilizational process] // Gorizonty antropologii: Trudy Mezhdunar. nauch. konf. pamyati akademika V.P. Alekseeva / Otv. red. T.I. Alekseeva. M.: Nauka, 2003. S. 212-217.

Pryahin A.D., Besedin V.I. Hronologicheskaya i kulturnaya interpretatsiya diskovidnyih psaliev s shipami iz Nizhnego Povolzhya [Chronological and cultural interpretation of the disk cheek-pieces with spikes of the Lower Volga] // Epoha bronzyi i ranniy zheleznyiy vek v istorii drevnih plemen yuzhnorusskikh stepyey. Materialy mezhdunar. nauch. konf., posvyasch. 100-letiyu so dnya rozhdeniya P.D. Rau / Nauch. red. A.I. Yudin. Saratov: Izd-vo SGPI, 1997. S. 79-81.

Pryahin A.D., Besedin V.I. Konskaya uzda peri-oda sredney bronzyi v Vostochnoevropeyskoy lesostepi i stepi [The Middle Bronze Age horse bridle in the Eastern European steppe and forest-steppe] // RA. 1998. №3. S. 22-34.

Pryahin A.D., Besedin V.I. Konskaya uzda peri-oda sredney bronzyi v Vostochnoevropeyskoy lesostepi i stepi [The Middle Bronze Age horse bridle in the Eastern European steppe and forest-steppe] // Dono-Volzhskaya abashevskaya kultura / Nauch. red. V.I. Molodin. Voronezh: VGU, 2001. S. 33-63.

Pryahin A.D., Besedin V.I., Levyyh G.A., Matveev Y.P. Kondrashkinskiy kurgan [The Kondrashkinskiy mound]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 1989. 20 s.

Pryahin A.D., Matveev Y.P. Kurganyi epohi bronzyi Pobityuzhyya [The mounds of the Bronze Age by the River Bityug]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 1988. 209 s.

Pryahin A.D., Matveev Y.P. Kurgan u s. Bogoyavlenskoe [The Mound near the village Bogoyavlenskoye] // SA. 1991. №1. S. 262-266.

Psalii. Elementy upryazhi i konskogo snaryazheniya v drevnosti [Cheek-pieces and elements of harness and saddlery in antiquity] / Arheologicheskii almanah. №15 / Otv. red. A.N. Usachuk. Donetsk: DOKM, 2004. 170 s.

Rafikova Y.V. Srubno-alakulskiy kurgan Selivanovskogo II mogilnika iz Yuzhnogo Zauralya i problema parnyih pogrebeniy epohi bronzyi [Timber-Grave-Alakul culture mound Selivanovska II from a cemetery of South Ural and the problem of paired burials of the Bronze Age] // RA. 2008. №4. S. 72-83.

Reysner M.L., Chalisova N.Yu. Persidskaya klassicheskaya lirika: k probleme genezisa [Persian classical poetry: the genesis of the problem] // Trudy po kulturnoy antropologii: pamyati Grigoriya Aleksandrovicha Tkachenko / Sost. V.V. Glebkin. M.: Vostochnaya literatura; Muravey, 2002. S. 275-322.

Rogudeev V.V. Elitarnyye pogrebeniya katakombnoy kulturyi i problema katakombnogo naslediya v srubnoy kulture [Elites burials of the Catacomb culture and the problem of the Catacomb culture heritage in the Timber-Grave culture] // Arheologicheskie zapiski. Vyip. 1 / Red. V.Y. Kiyashko. Rostov-na-Donu: DAO, 2000. S. 74-89.

Romashko V.A. Novaya nahodka diskovidnogo psaliya v Prissamar'e [The new find of a cheek-piece discoid in the Samara area] // Regionalne i zagalne v istoriyi / Red.-upor. V.M. Beketova. Dnipropetrovsk: Porogi, 1995. S. 64-65.

Ryibalova V.D. Kostyanoy psaliy s poseleniya Kamenka bliz Kerchi [A bone cheek-piece from the settlement of Kamenka near Kerch] // SA. 1966. №4. S. 178-181.

Ryikushina G.V. Antropologicheskaya harakteristika naseleniya epohi bronzyi Yuzhnogo Urala po materialam mogilnika Krivoe Ozero [Anthropological characteristics of the population of the Bronze Age by the Southern Urals materials from cemetery Krivoe Ozero] // Vinogradov N.B. Mogilnik bronzovogo veka Krivoe Ozero v Yuzhnom Zaurale. Chelyabinsk: Yuzhno-Uralskoe knizh. izd-vo, 2003. S. 345-360.

Samashev Z.S., Ermolaeva A.S., Loshakova T.N. Kostyanyie psalii s poseleniya Toksabay. K voprosu o komplekse kolesnichih naseleniya Ustyurta v epohu bronzyi [Bone cheek-pieces from the settlement Toksabay. On the issue of the complex of horsemen Ustyurt population in the Bronze Age] // Voprosy istorii i arheologii Zapadnogo Kazahstana. №1 / Bas. red. M.N. Sdykov. Uralsk, 2007. S. 87-102.

Sanzharov S.N. O sotsialnoy znachimosti odnoy gruppyi katakombnyih pogrebeniy [About the social significance of one group of Catacomb burials]

- // Arkheologiya i kraevedeniye – shkole / Otv. red. D.S. Cvejbel'. Donetsk: DonGU, 1985. S. 17-18.
- Sanzharov S.N., Suprun A.V.* K voprosu o funktsionalnom naznacheniі kostyanyih vtulchatyih izdeliy s lopatkovidnyimi nakonechnikami epohi bronzы [The functional destination of bone bush articles with blade tip of the Bronze Age] // Arheologiya i drevnyaya arhitektura Levoberezhnoy Ukrainy i smezhnyih territoriy / Nauch. red. S.D. Kryzhickij. Donetsk: «Shidniy vidavnichiy dim», 2000. S. 85.
- Sinitsyn I.V.* Arheologicheskie issledovaniya Zavolzhskogo otryada [Archaeological research Zavolzhsky squad] // MIA. 1959. №60. S. 39-205.
- Sinyuk A.T.* Bronzovyy vek basseyna Dona [The Bronze Age of the Don basin]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo peduniversiteta, 1996a. 350 s.
- Sinyuk A.T.* K sotsiologicheskoy interpretatsii nekotoryih pogrebeniy epohi bronzы [Towards sociological interpretation of some burials of the Bronze Age] // Dono-donetskiy region v sisteme drevnostey epohi bronzы Vostochnoevropeyskoy stepi i lesostepi. Materialy nauch. konf. Vyip. 1. Voronezh: VGU, 1996b. S. 9-11.
- Sinyuk A.T., Berezutskiy V.D., Zatsepin A.A.* Plyasovatskie kurganyi [The Plyasovatka barrows] // Arheologicheskie pamyatniki basseyna Dona / Otv. red. A.T. Sinyuk. Voronezh: VGPU, 2004. S. 162-177.
- Sinyuk A.T., Kileynikov V.V.* Kurgan u sela Vvedenki na Donu [Mound near the village of Vvedenki on the Don] // SA. 1976. №1. S. 159-169.
- Sinyuk A.T., Kozmirchuk I.A.* Nekotorye aspekty izucheniya abashevskoy kultury v basseyne Dona (po materialam pogrebeniy) [Some aspects of the Abashevo culture study in the Don basin (based on burial materials)] // Drevnie indoiranskіe kultury Volgo-Uralya (II tyis. do n.e.) / Otv. red. I.B. Vasil'ev. Samara: Izd-vo SamGPU, 1995. S. 37-72.
- Sinyuk A.T., Pogorelov V.I.* Kurgan №16 Vlasovskogo mogilnika [Mound №16 of the Vlasov cemetery] // Pogrebalnyie pamyatniki epohi bronzы lesostepnoy Evrazii / Otv. red. V.S. Gorbunov. Ufa: Izd-vo BGPI, 1993. S. 6-31.
- Slovník antichnoy mifologiyi [Dictionary of classical mythology]. Kiev: Naukova dumka, 1989. 240 s.
- Smirnov K.F.* Arheologicheskie dannye o drevnih vsadnikah Povolzhsko-Uralskih stepey [Archaeological evidence on ancient horsemen of the Volga-Ural steppes] // SA. 1961. №1. S. 46-72.
- Smirnov K.F., Kuzmina E.E.* Proishozhdenie indoirantsev v svete noveyshih arheologicheskikh otkrytiy [The origin of the Indo-Iranians in the light of the latest archaeological discoveries]. M.: Nauka, 1977. 84 s.
- Smirnov Y.A.* Pogrebeniya masterov-izgotoviteley drevkov i kremnevyih nakonechnikov strel [Burials of master manufactures of shafts and silicon arrowhead manufacturers] // Drevnosti Dona / Otv. red. Y.A. Krasnov. M.: Nauka, 1983. S. 164-187.
- Snesarev G.P.* Reliktyi domusulmanskikh verovaniy i obryadov u uzbekov Horezma [Relics of pre-Islamic beliefs and practices of Khorezm Uzbeks]. M.: Nauka, 1969. 336 s.
- Sotnikova S.V.* K voprosu o vozmozhnyih istokah indoiranskogo kulta svyaschennogo napitka Somyi/Haomyi (po materialam pamyatnikov sintashtinskogo tipa) [To the question on the possible origins of the Indo-Iranian cult of the sacred drink Soma/Haoma (after materials of Sintashta type sites)] // Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy. №1(9) / Gl. red. A.A. Tishkin. Barnaul: Izd-vo Altayskogo gos. un-ta, 2014. S. 74-86.
- Tkachev V.V.* Pogrebalnyie kompleksy s schitkovyimi psaliyami v stepnom Priurale [Funerary complexes with shield cheek-pieces in the steppe CisUrals] // Psalii. Elementy upryazhi i konskogo snaryazheniya v drevnosti / Arheologicheskii almanah. №15 / Otv. red. A.N. Usachuk. Donetsk: DOKM, 2004. S. 7-30.
- Tkachev V.V.* Elitnyie pogrebeniya iz mogilnika Zhaman-Kargala I i problema kulturogeneza nachala pozdnego bronzovogo veka v Uralo-Kazhstanskikh stepyah [Elite burial, from burial Jaman-Kargala I and problem cultural genesis of the early Late Bronze Age in the Urals and the steppes of Kazakhstan] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya 1. Istoricheskie nauki. Vyip. 3. 2005. S. 50-74.
- Tkachev V.V.* Stepi Yuzhnogo Priuralya i Zapadnogo Kazahstana na rubezhe epoh sredney i pozdney bronzы [Steppes of Southern CisUral and Western Kazakhstan at the turn of the Middle and Late Bronze Age]. Aktobe: Aktjubinskij oblastnoj centr istorii, jetnografii i arheologii, 2007. 384 s.
- Toporov V.N.* Vishvakarman [Vishvakarman] // Mifyi narodov mira. T. 1 / Gl. red. S.A. Tokarev. M.: Sovetskaya Entsiklopediya, 1991. S. 237-238.
- Usachuk A.N.* Kostyanye orudiya pryadeniya srubnoy kultury [Bone tools of spinning from the Timber-Grave culture] // Istoriya i arheologiya Slobodskoy Ukrainy. Tez. dokl. Vseukrainskoy konf., posvyasch. 90-letiyu XII Arheologicheskogo s'ezda / Gl. red. V.K. Miheev. Harkov: HGU, 1992. S. 207-208.
- Usachuk A.N.* Kamennoambarskie psalii (trasologicheskii analiz) [The Kamenno Ambarsk cheek-pieces (use-wear analysis)] // A.V. Epimahov. Rannie kompleksnyie obschestva severa Tsentralnoy Evrazii (po materialam mogilnika Kamennyi Ambar-5). Kn. 1. Chelyabinsk: Cheljabinskij dom pechati, 2005. S. 179-189.
- Usachuk A.N.* Trasologicheskii analiz kostyanyih i rogovyih izdeliy iz nekotoryih kurganov

Saratovskogo Povolzhya [Use-wear analysis of bone and horn products from some mounds of the Volga region of Saratov] // *Arheologicheskie pamyatniki Saratovskogo Pravoberezhya: ot ranney bronzhi do srednevekovy (po materialam issledovaniy v 2005-2006 gg.)* / Red. A.I. Yudin. Saratov: Izd-vo «Nauchnaya kniga», 2010a. S. 248-265.

Usachuk A.N. Trasologicheskiy analiz rogovoy vtulki iz rannesrubnogo pogrebeniya [Use-wear analysis of antler bush from the early Srubnaya burial] // *MDASU. Vyip. 10.* Lugansk: Vid-vo SNU im. V. Dalya, 2010b. S. 183-199.

Usachuk A.N. Drevneyshie psalii (izgotovlenie i ispolzovanie) [The oldest cheek-pieces (production and use)]. Kiev; Donetsk: IA NAN Ukrainyi, 2013. 304 s.

Usachuk A.N. Kostyanyie i rogovyie «lopatochki»: poiski prednaznacheniya [Bone and horn «spatulas»: the search of destination] // *Kazakhstan arheologiyasy men ehtnologiyasy: otkeni, bygini zhane bolashary atty «VII Orazbaev okulary» halykaralyk rylymi-tazhiribelik konferenciya materialdary / Zhaupty red. A.B. Kalysh.* Almaty: Kazak universiteti, 2015. S. 134-138.

Usachuk A.N., Litvinenko R.A. Orudiya pryadeniya i tkachestva v pamyatnikah srubnoy obschnosti [Spinning and weaving tools in the Timber-Grave culture relics] // *Tekstil epohi bronzhi evraziyskikh stepey.* Trudyi GIM. Vyip. 109 / Otv. red. N.I. Shishlina. M., 1999. S. 204-216.

Usachuk A.N., Litvinenko R.A. Kostyanyie orudiya pryadeniya i tkachestva na Sintashte [Spinning and weaving bone tools in Sintashta] // *Abashevskaya kulturno-istoricheskaya obschnost: istoki, razvitie, nasledie. Materialy mezhdunar. nauch. konf. / Red. kol. V.S. Bochkarev i dr. Cheboksaryi: ChGIGN,* 2003. S. 163-166.

Usachuk A.N., Lyahov S.V. Para psaliev iz Saratovskogo Povolzhya [A Couple of cheek-pieces from the Volga region of Saratov] // *DAS. Vyip. 12.* Donetsk: DonNU, 2006. S. 103-110.

Usachuk A.N., Chaplyigin M.S. Psalii iz kurgana vozle Sterlitamaka [Cheek-pieces from the mound near Sterlitamak] // *Arheologiya vostochno-evropeyskoy lesostepi / Otv. red. I.E. Safonov.* Voronezh: Izd.-poligraf. tsentr VGU, 2009. S. 73-89.

Fedorov V.K. Odissey na Yuzhnom Urale? (ob odnom svidetelstve vozmozhnogo ispolzovaniya rastitelnykh gallyutsinogenov v uralskikh kulturah epohi sredney bronzhi) [Odysseus in the South Urals? (one testimony of possible use of plant hallucinogens in the Ural cultures of the Middle Bronze Age)] // *Vestnik VEGU. №31/32.* Istoriya. 2007. S. 182-187.

Filippova E.E. Pogrebalnyie petroglifyi Srednego Eniseya i ih mesto v ideologicheskikh predstavleniyah karasukskikh plemen [Funeral petroglyphs

Middle Yenisei and their place in the ideological views of Karasuk tribes] // *Arheologicheskiy sbornik. Pogrebalnyiy obryad.* Trudyi GIM. Vyip. 93 / Otv. red. I.V. Belocerkovskaya. M., 1997. S. 62-70.

Halyapin M.V., Porohova O.I. Pogrebalnyie kompleksy epohi bronzhi u s. Krasnoselki v Samarskom Povolzhe [Burial complexes of the Bronze Age at Krasnoselki in the Samara region] // *Arheologicheskie pamyatniki Orenburzhya. Vyip. IV / Otv. red. N.L. Morgunova.* Orenburg: OOO «Orenburgskaya guberniya», 2000. S. 109-126.

Tsimidanov V.V. Grebni i orudiya pryadeniya v pogrebeniyah srubnoy kulturyi [Combs and spinning tools in graves of the Timber-Grave culture] // *Drevnosti / Gl. red. V.I. Kadeev.* Harkov: AO «Biznes Inform», 1995. S. 34-39.

Tsimidanov V.V. Esche raz o kolesnitsah stepnoy Evrazii epohi pozdney bronzhi [Once again on the Eurasian steppe chariots of Late Bronze Age] // *Severo-Vostochnoe Priazove v sisteme evraziyskikh drevnostey (eneolit – bronzovyy vek). Ch. I / Gl. red. V.N. Gorbov.* Donetsk: Izd-vo DonGU, 1996. S. 126-128.

Tsimidanov V.V. Vereteno v obryadah naseleeniya srubnoy kulturyi [The Spindle in rites of the Timber-Grave culture population] // *Tekstil epohi bronzhi Evraziyskikh stepey.* Trudyi GIM. Vyip. 109 / Otv. red. N.I. Shishlina. M., 1999. S. 224-227.

Tsimidanov V.V. Astragaluyi v pogrebeniyah stepnykh kultur epohi pozdney bronzhi i rannego zheleza [Astragalus in steppe cultures burials of the Late Bronze Age and Early Iron Age] // *Arheologicheskiy almanah. №10 / Gl. red. A.V. Kolesnik.* Donetsk: OOO «Lebed'», 2001. S. 215-248.

Tsimidanov V.V. Sotsialnaya struktura srubnogo obschestva [The social structure of the Timber-Grave society]. Donetsk: Institut arheologii NAN Ukrainy, 2004. 204 s.

Tsimidanov V.V. Sotsialnaya differentsiatsiya v srubnom obschestve Saratovskogo Povolzhya [Social differentiation in the society of the Timber-Grave culture Saratov Volga region] // *Arheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraya. V. 9 / Otv. red. A.I. Yudin.* Saratov: Poligrafiya Povolzhya, 2009. S. 52-73.

Tsimidanov V.V. Kamen *yada* i nekotoryie «teksty» kultur stepnoy i lesostepnoy Evrazii epohi bronzhi [The Stone *yada* and some «texts» of steppe and forest steppe cultures of Eurasia from the Bronze Age] // «Kadyrbaevskie chteniya – 2014». Materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. / Red. A.A. Bisembayev. Astana: «Mega print», 2014. S. 115-122.

Chaban I. Vesillya na Sokalschini [Wedding on Sokalschyna] // *Vesillya. Kn. 2 / Upor. tekstiv M.M. Shubravs'koï.* Kiiv: Naukova dumka, 1970. S. 125-182.

Chausidis N. Baraban i «skladne oro» – analiz mifo-simvolichnogo y obryadovogo znachennya

[The drum and the dance «Teškoto» – analysis of the mytho-symbolic and ritual meaning] // Narodna tvorchist ta etnografiya. 2009. №3. S. 68-79.

Cherednichenko N.N. Osnovnyie etapyi razvitiya konskoy uzdyi Evrazii v seredine II – nachale I tyis. do n.e. [Milestones of the horse bridle development of Eurasia in the middle II – beginning I millennium BC] // Noveyshie otkryitiya sovetsskoy arheologii. Ch. 1 / Otv. red. V.D. Baran. Kiev: IAN USSR, 1975. S. 79-80.

Cherednichenko N.N. Kolesnitsyi Evrazii epohi pozdney bronzyi [Chariots of Eurasia of the Late Bronze Age] // Eneolit i bronzovyy vek Ukrainyi / Red. kol. S.S. Berezanskaya i dr. Kiev: Naukova dumka, 1976. S. 135-150.

Cherlenok E.A. O raspolozhenii psaliev v pogrebeniyah Potapovskogo i Utevsckogo mogilnikov [The location of cheek-pieces in burials of Potapovka and Utevka cemeteries] // Almanah molodyih arheologov. Sbornik studenchesckogo arheologicheskogo obschestva / Nauch. red. I.L. Tihonov. SPb.: «Dmitriy Bulanin», 2004. S. 54-59.

Chernyih E.N. Kargalyi. T. V. Kargalyi: fenomen i paradoksyi razvitiya. Kargalyi v sisteme metallurgicheskikh provintsiy. Potaennaya (sakralnaya) zhizn arhaichnyih gornyakov i metallurgov [Kargaly: phenomenon and paradoxes of development. Kargaly in the system of Metallurgical Provinces. Hidden (sacral) life of archaic miners and metallurgists]. M.: Yazyki slavyanskoy kultury, 2007. 200 s.

Chernyih L.A., Pleshivenko A.G. Pogrebenie liteyschika katakombnoy kulturyi u s. Vasil'evka [Burial of the Catacomb culture caster in the village of Vasil'evka] // Hozyaystvo drevnego naseleniya Ukrainyi. Remesla i promyislyi drevnego naseleniya Ukrainyi / Gl. red. Yu.D. Kibalnik. Kiev: Muzei ob-nie «Kievo-Pecher. gos. ist.-kultur. zapovednik», 1995. S. 243-257.

Chechushkov I.V. Nekotoryie voprosy ko-nevodstva epohi bronzyi [Some issues of breeding of the Bronze Age] // Materialy XXXIV Uralo-Povolzhskoy arheologicheskoy studenchesckoy konf. Ul'janovsk, 31 janv. – 2 fevr. 2002 g. Ul'janovsk: Ul'jan. gos. ped. un-t, 2002. S. 60-62.

Chechushkov I.V. Kolesnitsyi evraziyskikh stepy epohi bronzyi [Chariots from Eurasian steppes of the Bronze Age] // Vestnik arheologii, antropologii i etnografii. №2(15). 2011. S. 57-65.

Chechushkov I.V., Epimahov A.V. Kolesnichiy kompleks Uralo-Kazahstanskikh stepy [The chariot complex of the Ural-Kazakhstan steppes] // Koni, kolesnitsyi i kolesnichie stepy Evrazii / Gl. red. P.F. Kuznetsov. Ekaterinburg; Samara; Donetsk: IERiZh UrO RAN, 2010. S. 182-195.

Shirokova M.A. O rogovyih psaliyah iz s. Glyadyanskoe Kurganskoy oblasti [On horn

cheek-pieces from the village Glyadyanskoe, Kurgan region] // Arheologiya i etnografiya aziatskoy chasti Rossii (novyie materialy, gipotezy, problemy i metody). Materialy XLIX Regionalnoy arheologo-etnograficheskoy studenchesckoy konferentsii / Otv. red. L.N. Ermolenko, O.S. Sovetova. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2009. S. 117-118.

Shkunaev S.V. Kommentarii [Comments] // Predaniya i mify srednevekovoy Irlandii / Red. G.K. Kosikov. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1991. S. 249-278.

Yudin A.I. Izmenenie pogrebalnogo obryada kak otrazhenie sotsialnyih protsessov v pervobyitnom obschestve srubnoy kulturyi na primere novyih pamyatnikov [Changes in funeral rites as a reflection of social processes in the primitive society of the Timber-Grave culture exemplified by new monuments] // Arheologicheskije pamyatniki Orenburzhya. Vyip. VIII / Otv. red. N.L. Morgunova. Orenburg: OGPU, 2007. S. 142-149.

Yudin A.I., Matyuhin A.D. Sotsialnaya struktura rannesrubnogo obschestva po materialam mogilnikov Kochetnoe i Zolotaya Gora [The social structure of the early Timber-Grave culture society by materials burials Kochetnoe and Zolotaya Gora] // Arheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraja. Vyip. 6 / Otv. red. A.I. Yudin. Saratov: Nauchnaya kniga, 2005. S. 36-50.

Yudin A.I., Matyuhin A.D. Rannesrubnyie kurgannyie mogilniki Zolotaya Gora i Kochetnoe [Early Timber-Grave culture cemeteries Zolotaya Gora and Kochetnoe]. Saratov: Nauchnaya kniga, 2006. 116 s.

Yudin A.I., Matyuhin A.D., Zaharikov A.P., Kasankin G.I. Rannesrubnyie kurgannyie mogilniki Zolotaya Gora i Kochetnoe i problemyi formirovaniya srubnoy kulturyi Nizhnego Povolzhya [Early Timber-Grave culture cemeteries Zolotaya Gora and Kochetnoe and problems of formation of the Timber-Grave culture from the Lower Volga] // Ohrana i issledovanie pamyatnikov arheologii Saratovskoy oblasti v 1995 godu / Nauch. red. A.I. Yudin. Saratov: Direktsiya ohranyi, restavratsii i ispolzovaniya pamyatnikov istorii i kulturyi, 1996. S. 119-139.

Yablonskiy L.T., Hohlov A.A. Novyie kranio-logicheskije materialy epohi bronzyi Samarsckogo Zavolzhya [New cranial material from the Bronze Age beyond the Volga near Samara] // Vasil'ev I.B., Kuznetsov P.F., Semenova A.P. Potapovskiy kurgannyiy mogilnik indoiranskikh plemen na Volge. Samara: Samarskiy universitet, 1994. S. 186-205.

Lal B.B. The Indo-Aryan hypothesis vis-à-vis Indian archeology // Jethicheskie problemy istorii Central'noj Azii v drevnosti (II tysjacheletie do n.je.) / Red. M.S. Anisimov i dr. M.: Nauka, 1981. S. 280-294.